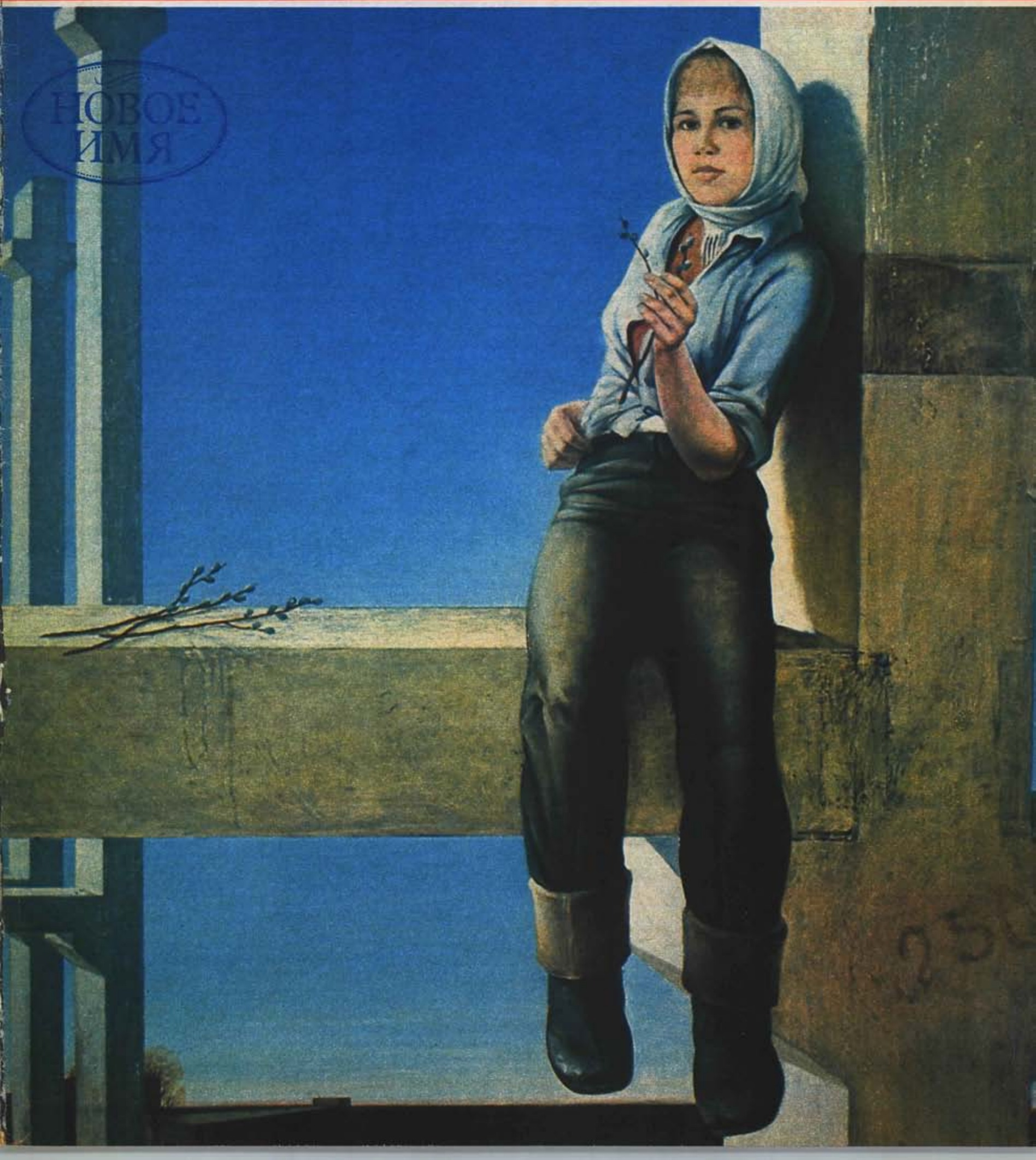

СМЕНА

№ 6 МАРТ 1977

НОВОЕ
ИМЯ

ВСЯ РАБОТА С МОЛОДЫМИ ХУДОЖНИКАМИ ДОЛЖНА ОСНОВЫВАТЬСЯ НА СОЧЕТАНИИ ЧУТКОГО, УВАЖИТЕЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ К НИМ С ТРЕБОВАТЕЛЬНОСТЬЮ И ПРИНЦИПИАЛЬНОСТЬЮ. СЛЕДУЕТ ИЗУЧАТЬ ПРОБЛЕМЫ И НУЖДЫ МОЛОДЕЖИ, ПОМОГАТЬ ЕЙ ПРОЯВЛЯТЬ СВОИ ДАРОВАНИЯ, НАПРАВЛЯТЬ РАЗВИТИЕ ТАЛАНТОВ ПО ТВОРЧЕСКИ ПЕРСПЕКТИВНОМУ ПУТИ. ПОСТОЯННО УКРЕПЛЯТЬ И РАЗНООБРАЗИТЬ СВЯЗИ МОЛОДОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ С ЖИЗНЬЮ, РАЗВИВАТЬ ЕЕ ОБЩЕСТВЕННУЮ АКТИВНОСТЬ, ПОРУЧАТЬ МОЛОДЫМ ИНТЕРЕСНЫЕ ДЕЛА, ВОСПИТЫВАТЬ ИХ КАК СТОЙКИХ БОРЦОВ ЗА КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕАЛЫ.

Из постановления ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью»

Олег ШЕСТИНСКИЙ,
секретарь правления
Союза писателей СССР,
председатель Совета
по работе
с молодыми писателями,
член редколлегии журнала
«Смена»

меняется. Социализм, давно ставший для народов планеты притягательной силой, завоевывает все новых и новых сторонников, и это не может не вызвать ненависти наших классовых врагов, применяющих в сегодняшней борьбе идей все более изощренные пропагандистские методы. Вполне понятно поэтому, насколько возрастает ныне ответственность писателей, деятелей искусства за состояние наших дел на идеологическом фронте. Непримируемая борьба с тем, что омрачает настроение советских людей; страстная поддержка всего нового, что уже сегодня прочно связывает нас с будущим; глубокая и яркая пропаганда наших достижений, пропаганда преимуществ советского образа жизни—все это требует талантливой, достойного ума и сердца наших современников отображения. Успехи нашей литературы, нашего искусства крепят нравственное здоровье советского общества.

Убыстряющее свой неумолимый бег время заставляет нас думать и о дру-

гом—о тех, кого мы зовем сегодня начинающими и на чьи плечи через десять, через двадцать, через тридцать, может быть, лет ляжет основная забота не только о духовной пище народа, но и о моральной его непоколебимости, о крепости и чистоте его идеалов.

Одобрив решения партии, сверяя их со своими мыслями, мы уже привыкли к деловому термину: своевременность. Об этом думаешь и сейчас, после постановления ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью». Нет сомнения в том, что оно определяет новый этап в деятельности всех творческих союзов нашей страны. Этот важнейший партийный документ на многие годы вперед указывает нам пути развития нашей литературы и искусства, он является своеобразной программой борьбы за формирование идейного, нравственного и профессионального облика начинающего литератора, художника, композитора, представителя любого «творческого цеха» советского искусства.

Мир нашей жизни широк и многообра-

УЧИТЕЛЬ, ВОСПИТАЙ УЧЕНИКА!

Немногим менее шестидесяти лет отделяют нас от поворотного пункта в истории всего человечества—Октябрьской социалистической революции. Наша страна вступила в год шестидесятилетия Советской власти. С этого рубежа, откуда еще резче и определеннее открываются дали будущего, мысленным взором окидываем мы огромное пространство земли советской—от побережья Балтики до островов Тихого океана, от Заполярья до снежных вершин Памира.

Везде, не смолкая, кипит работа. В заводских цехах и на колхозных полях, в научных лабораториях и на грандиозных стройках века закладывается прочный фундамент будущего.

«Перед страной, перед нашей партией и народом в десятой пятилетке открывается огромная, захватывающе интересная работа,—говорил на недавнем октябрьском Пленуме ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев.—Работа крайне ответственная. И от того, как мы будем работать, как будем выполнять намеченные планы, зависит мощь, авторитет и процветание нашей Родины, благополучие каждой семьи, благосостояние и счастье каждого советского человека.

Нет сомнения, что народ наш, руководимый партией Ленина, и на этот раз окажется на высоте ответственности, возложенной на него историей».

Мне кажется, что слова Леонида Ильича Брежнева впрямую адресованы и нам, деятелям литературы и искусства. Многонациональная советская литература, своими корнями глубоко уходящая в мощный, животворный пласт народной жизни, активно помогает партии в благородном деле коммунистического воспитания трудящихся.

Советский писатель не может стоять в стороне от горячих дел повседневности. Задачи, поставленные партией перед страной, затрагивают ум и сердце его, потому что каждый литератор—сын своего народа, плоть от его плоти.

Всем деятелям советской культуры памятны слова Михаила Александровича Шолохова: «...каждый из нас пишет по указке своего сердца, а сердца наши принадлежат партии и родному народу, которому мы служим своим искусством».

В наши дни время как будто ускорило свой бег, и это относится не только к нашей стране с ее все убыстряющимися темпами промышленного и социального развития—относится ко всему миру, чей облик непрерывно и бесповоротно

ТОЛЬКО ЗА ПРОШЕДШИЙ ГОД ПОД РУБРИКОЙ «НОВОЕ ИМЯ» В ЖУРНАЛЕ ВЫСТУПИЛИ ОКОЛО ДВАДЦАТИ НАЧИНАЮЩИХ ЛИТЕРАТОРОВ...

ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ХОРОШО ИЗОБРАЗИТЬ, ХУДОЖНИК ДОЛЖЕН ПРЕКРАСНО ВИДЕТЬ И ДАЖЕ — ПРЕДВИДЕТЬ, НЕ ГОВОРИМ О ТОМ, ЧТО ОН ОБЯЗАН МНОГО ЗНАТЬ... НАШ СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ТОЛЬКО ПИСАТЕЛЕМ, НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ТОЛЬКО ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ ЛИТЕРАТОРОМ, ЭТО — ЖИВОЕ ЛИЦО, ЖИВОЙ, ЭНЕРГИЧНЫЙ УЧАСТНИК ВСЕГО ТОГО, ЧТО ТВОРИТСЯ В СТРАНЕ. ОН РАБОТАЕТ БУКВАЛЬНО ВЕЗДЕ, ЭТО ТА САМАЯ ПЧЕЛА, КОТОРАЯ СОБИРАЕТ СОК СО ВСЕХ ЦВЕТОВ, СОЗДАЕТ МЕД И ВОСК. ОН ДОЛЖЕН БЫТЬ ВЕЗДЕСУЩИМ, ВСЕВИДУЩИМ...

А. М. ГОРЬКИЙ

зен. Мы являемся участниками строительства самого передового в мире коммунистического общества. И основная задача нашей творческой молодежи не только овладеть тайнами профессионального мастерства, но прежде всего прочувствовать и постичь суть тех колоссальных изменений, которые ежедневно, ежечасно совершаются вокруг нас. Жизнь во всех ее проявлениях — вот лучшая школа для начинающего литератора, художника, композитора! Лишь тот, кто проходит через ее горнило, получает настоящую нравственную закалку и обретает свой собственный, непохожий на чей-либо другой творческий почерк.

Сразу же замечу, что все без исключения творческие союзы нашей страны на своих недавних съездах или расширенных пленумах широко откликнулись на Постановление ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью» и наметили целый ряд мер, направленных на успешное его выполнение. Но мне хочется поподробнее рассказать о наиболее важных направлениях деятельности Союза писателей СССР по воспитанию молодого литературного пополнения. Только за последние два года прошли VIII и IX Всесоюзные фестивали молодых поэтов, Всесоюзное совещание молодых писателей, работающих в жанре фантастики и приключений, II Всероссийское совещание молодых критиков, III общесоюзное совещание молодых писателей, Всероссийское совещание молодых очеркистов, ряд зональных совещаний и семинаров.

Поколение, вступающее сегодня в литературу, накопило большой жизненный

опыт. Среди начинающих писателей мы встречаем врачей и геологов, рабочих и журналистов, инженеров и ученых. Они привносят в свои первые произведения не умозрительные конструкции, а реальные черты живой действительности, которая знакома им не на словах, а на деле.

Не случайно первый секретарь правления СП СССР Г. М. Марков на VI Всесоюзном совещании молодых писателей подчеркнул: «Мы испытываем чувство удовлетворенности от того, что абсолютное большинство молодых писателей имеет правильное представление об общественном назначении литературы, о профессиональных требованиях к мастерству, несет с собой многообразие художественных решений, охватывает в своих произведениях важнейшие стороны действительности».

После постановления ЦК КПСС о работе с творческой молодежью Секретариат правления Союза писателей СССР на специальном заседании утвердил перспективный план работы по идейно-творческому воспитанию молодых литераторов. На этом заседании утверждены также состав Совета по работе с молодыми литераторами. В Совет вошли видные советские писатели, представители ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС и других общественных организаций, представители литературно-художественных газет и журналов, радио и телевидения.

Одна из главных задач, стоящих перед вновь созданным Советом, — обеспечить приток свежих сил в литературу, выявить творчески одаренную молодежь. Для того, чтобы Союз писателей СССР мог четко и верно судить о своих

резервах, активно влиять на их творческий рост, принято решение: в течение четырех лет провести Всесоюзные совещания молодых прозаиков, поэтов, критиков, драматургов, очеркистов. Эта огромная по масштабам работа будет осуществляться в тесном взаимодействии с Центральным Комитетом комсомола, с которым Союз писателей связывает давняя традиционная дружба.

С того времени, как было опубликовано постановление, прошло несколько месяцев, а мысленно все возвращаешься и возвращаешься к нему... Невольно вспоминаются при этом слова Максима Горького, который не один раз подчеркивал: «... Нам надо готовить себе смену. Мы должны вырастить целую армию отличных литераторов — должны!»

Сколько времени, сколько трудов потратил этот беззаветно преданный социалистической культуре человек и на поиск талантов и на бескорыстную помощь им! Вот у кого мы постоянно должны учиться высокогуманному отношению к людям талантливым — и бережному, и вместе с тем непременно взыскательному.

Талант — вещь сложная, и, желая определить для себя ту или иную грань его, часто задумываешься: на самом ли деле он природный дар, вручаемый счастливицу обладателю его как нечто неизменное? Или же эта обостренная способность человека к какому-либо определенному виду деятельности постоянно развивается, изо дня в день формируется под воздействием самых разных факторов — исторических, политических, социальных? Дialeктика

склоняет, конечно, к последнему, и тут тебе открывается та бездна работы, которую предстоит проделать, чтобы помочь найти себя многим и многим...

Прямая наша задача — создать все условия для развития таланта, для того, чтобы он достиг и художественного своего пика и вершины гражданской зрелости. Но что это за условия? Каковы они? Ведь каждый наделенный талантом человек своеобразен, и соответственно своеобразными должны быть и методы помощи начинающему и способы товарищеского влияния на его творческий рост. Как знать, может быть, в какой-то момент одному позарез необходима командировка в далекий край, другому — подтвержденный авансом издательский договор, который позволит всего себя без остатка отдать новой книжке, третьему — участие в творческом семинаре и вечерние споры со сверстниками, четвертому — беседа с тем единственным человеком, кого впоследствии, уже повзрослев, вчерашний молодой писатель с благодарностью назовет Учителем. А впрочем, каждому необходимо не только все это в отдельности, а все вместе.

И все-таки главным в работе с молодыми остается, хочу повторить, вот что: приобщить его к главным заботам нашего народа, помочь постичь и сокровенные думы его и глубинные чувства. Потому что есть у писательского таланта одна составляющая, без которой он никогда не сделается полноценным. Это верность земле своих предков, верность заветам своих отцов.

О чем еще задумываешься, когда размышляешь о молодых?

НОВОЕ ИМЯ

Н

мальчик открывающий мир

НОВОЕ ИМЯ

СМЕНА 1

НОВОЕ ИМЯ

Александр БОГОМОЛОВ

Слово МИХАЛКОВ, Герое Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии и Государственной премии СССР

Отец вспоминает

Первое имя

В дороге

Море

СМЕНА 11

НОВОЕ ИМЯ

ВЗЫСТОВСКИЕ ЯБЛОКИ

СМЕНА 11

НОВОЕ ИМЯ

Татьяна СМОЛОВА

СМЕНА 11

О том, что чуткое и бережное отношение к их творчеству должно сочетаться с бескомпромиссной требовательностью и принципиальностью в оценках. Чего, как говорится, греха таить: некоторые из тех, кого лишь с большою натяжкой можно отнести к начинающим и у кого поэтому уже есть немалый опыт «осады» издательских кабинетов, готовы истолковать постановление как некое по отношению к себе послабление... Нет, серость должна остаться за бортом молодой литературы, и цель постановления как раз в том и состоит, чтобы добиться повышения качества, повышения идейного уровня того, что выходит из-под пера начинающих.

Думается, что большую помощь и в деле отыскания людей по-настоящему одаренных и в деле пропаганды их творчества могут — и непременно должны! — сыграть наши молодежные периодические издания. В этом смысле заслуживает внимания опыт журнала «Смена», который ведет постоянную рубрику «Новое имя». Как правило, молодых поэтов и прозаиков, которые печатаются под этой рубрикой, представляют публике известные литераторы, и их доброе напутствие, несомненно, ко многому обязывает тех, к кому оно обращено. Только за прошедший год под рубрикой «Новое имя» в журнале выступили около двадцати начинающих литераторов, и среди них такие, бесспорно, талантливые люди, как прозаики Владимир Зима, Сергей Пестунов, Константин Гердов, а также поэты Владимир Добин, Ольга Бахтиярова, Ираида Потехина, Геннадий Лысенко.

Новое имя... Это как заявка на собственное «я». Как обещание интересных встреч в будущем. Нет сомнения в том, что выступившим под этой рубрикой еще придется многое доказывать годами упорного труда и мучительных поисков собственного голоса. Но у этих ребят нынче уже есть те, кто переживает за них, кто за них искренне болеет, кто ждет теперь их новых произведений. У них теперь есть свой читатель. Разве этого мало?

Недавно завершил свою работу в Душанбе IX Всесоюзный фестиваль молодых поэтов. Это был очень представительный форум молодых: из всех со-

юзных республик приехало 40 поэтов, тщательно отобранных Союзом писателей республик совместно с ЦК ВЛКСМ. Руководили семинарами на фестивале известные поэты, опытные наставники.

Мудрый Мирзо Турсун-заде сказал, встречаясь с молодыми: «Яблоня без садовника не даст урожая, а железо без кузнеца не станет мечом». Действительно, искусство немислимо без передачи опыта старших младшим, без оценки их творчества теми, кто прошел большой и нелегкий путь в искусстве. Вспомним, какое впечатление произвела на юного Пушкина восторженная реакция Г. Р. Державина. И можно думать, что этот краткий миг лицейского экзамена дал А. С. Пушкину возможность остро ощутить свой дар, еще серьезней поверить в свое поэтическое будущее, испытать прилив вдохновения... А как заботился о своем гениальном ученике В. А. Жуковский! В истории духовного развития М. Ю. Лермонтова мы можем выделить и те несколько часов, которые он провел в беседе с В. Г. Белинским в помещении гауптвахты. Наивны, кто, отвергая опыт и знания старших, стремятся сами строить замок искусства. Эти замки строятся на песке. Они недолговечны.

С чувством признательности думаю я о своих наставниках в поэзии, о ленинградцах Александре Решетове, Сергее Орлове, Леониде Хаустове. Суровый и бескомпромиссный А. Решетов учил меня быть беспощадно честным в литературе, его похвала была редкой, но она обеспечивалась золотым запасом. Л. Хаустов приучал меня к тщательной работе над словом, над строкой. С. Орлов вошел в мою жизнь сразу и навсегда, покорив своим ярким талантом, своим ощущением национального, русского в искусстве. Я благодарен своим наставникам за то, что на пути к матерству я испытывал на себе их влияние — как поэтов, как недавних солдат Отечественной войны.

Я вспоминал о своих наставниках, посещая поэтические семинары в Душанбе. Как важно, чтобы наставники были личностями!

Семинар Валентина Сорокина. Страстно, зажигающе он говорит не только о конкретных стихах, но и о месте поэта в жизни, о его общественной роли, о том, как следует беречь и развивать народные, фольклорные традиции русской поэзии. Ему есть что сказать. Он пришел в поэзию, постигнув не только основы искусства, но и пройдя значительную школу жизни. Я вглядываюсь в его лицо и, словно сквозь толщу времени, вижу того стройного, красивого, кареглазого пареня-сталевара, который, отстояв смену у мартеновской печи, спешит в литературное объединение Челябинска. Сегодня ему, автору впечатляющих по-

эм о красоте души рабочего человека, есть что поведать молодым.

В семинар, которым руководил ленинградец Александр Шевелев, я пришел, когда началось обсуждение стихов Анатолия Рассказова, тоже ленинградца. После окончания школы Анатолий работал на прославленном Кировском заводе, служил в армии, снова вернулся на родной завод в тракторосборочный цех. Я слушал его стихи, наполненные живыми приметам времени:

Сколько б ни было в жизни забот и тревог,
ничего не таю, ничего не скрываю,
сколько б ни было в жизни спокойных дорог,
все равно я пойду по переднему краю...

Анатолию Рассказову еще нужно проходить большую поэтическую выучку. Но я думал с верой о нем еще и потому, что рядом с ним советчиком и старшим товарищем стоит такой вдумчивый и тонкий певец южнорусских просторов, как А. Шевелев. Написал слово «певец» и остановился: подходит ли оно, возвышенное, применительно к А. Шевелеву, крестьянскому сыну, в девять лет вперые — в нелегкие военные годы! — вышедшему на отчье калужское поле пахать, боронить, косить? Да, подходит слово «певец», потому что истинная песня может быть спета только человеком, познавшим труд как суть всей нашей жизни.

Мы хотим видеть молодое искусство современного социалистического общества утверждающим ленинские принципы партийности и народности, вошедшим в себя национальные традиции, проникнутым идеями интернационализма, выразительным по своим художественным достоинствам.

Нынешний Всесоюзный фестиваль в Душанбе убеждал меня, что лучшие представители нашей молодой многонациональной поэзии стоят именно на таком пути. Молодые поэты в своих стихах и речах высказывали сокровенные мысли о Родине, народе, о высоком значении труда.

Москвич Станислав Золотцев стремится четко определить место своего поколения в истории: «Мы — первые люди в России XX века, не знавшие войн и дожившие до 30».

Белорус Сергей Законников, вдохновенно написавший стихи о хлебе, сказал, выступая перед шахтерами Шураба: «Труд шахтера похож на труд хлебороба. Хлеб, наш черный белорусский хлеб, — самое святое. Он всем дает тепло».

Украинец Анатолий Кичинский впервые побывал в шахте. Он сказал: «Я навсегда запомню Шураб, ведь я здесь

НОВОЕ ИМЯ

Иван КУЗЬМИН

СМЕНА 11

прикоснулся к великому труду», — и потом прочел стихи: «Человек без человека, как море без материка...»

Мое внимание в Душанбе привлек самый молодой участник — 20-летний Олег Хлебников из Ижевска, студент технического вуза. Высокий, по-юношески угловатый, он казался мне углубленным в себя. Он интересовал меня и как по-настоящему даровитый человек и как поэт далекого от меня поколения. Во время поездки по республике мы не раз вели с ним разговоры. «Мне кажется, главное сейчас в поэзии — это обращение к образам конкретных людей, стремление проникнуть в сознание человека. Как вы считаете?» — спрашивал он. И, обозревая удивительные в своей осенней красоте таджикские горы, он делал вывод, словно размышлял наедине с собой: «Понять иной народ может только тот, кто беспрдельно любит свой народ».

Стихи Олега Хлебникова спокойны и ясны, с четким нравственным определением добра и зла:

На свете действительно много хороших и добрых людей, их больше, чем злых и убогих, поэтому злые видней.

Сосредоточенность на нравственных вопросах — это обнадеживающая черта в творчестве молодого поэта.

Как-то, путешествуя, мы заночевали в одном поселке. Я проснулся рано, вышел на балкон и увидел перед собой аллею, обсаженную чинарами. Они были прихвачены ночным морозцем, торчали голо и одиноко. Вдоль них шел Олег Хлебников. Шел не торопясь, словно

НОВОЕ
ИМЯ

Ирида ПУТЕХИНА

*
Ручьи за спину хрипели —
и в поле
не согрелись,
только больше
остудили камнями
Валеры.

важные идуны
принесли спелую дыню,
не стеснясь, под занавесом
дались жаром, как кресло.
По крыше будет застрять
волдырь
взрослым голубым
маленьким брызгам
Вот выжили — трагический
солдаты дыня
над дынями поспевшими
ловис.
По крыше будут застрять
волдырь
Мне ован — только сам
мнегда.

*
В Празднике даны
Бла и в сабле рыцаря
Береговой земли
и славянских ован
— Падать — на лаву
лучше.

лещу
на верном полку
с ясным кавказу
А после
— Падать — на лаву
лучше.
гости, за стол —
у тетушки Зреть
гостей делились.
В чаше самоварной
А дыня таяла

*
А где не покрутит к
у дурак
Степаны пелену
тагути, как мед
и если частушка —
то прыжок был
— Мы и нем
забываем все
по домам,
и жалко очень
показалось мне
и вурды скучны
и красной ады
и стирание
что лависы и
и горла

*
Спотыкаясь
не поспешит
не поспешит
вети спорова
права подает
дрессирован
не дал
спешит и кавал
Кавказ и Крым
и мед и лавис.
А может, для его
души?
В гостях пугал
арт и кругами
увел
и забыл ован

*
В Останкине огады снегиды.
Радные лыжины
дрой мои огады.
Как мало мне порою
для счастья надо
подумать ован

Кавказ
да вот кружится снегиды
В чаше дыня
ошавис и дыня
не прыжок и лависаты
и, как у лыжины
дыняны огады
малды на устанкины
подается во мне

Рисунки
Викторины
КОСТИЦЫНА

Владимир ЦЫБИН

У Ирины Пухтиной есть необычная привычка: как только
зажжет лампу, она бросает в комнату горючие предметы, напере-
дочку в глаза обрешетки и люстры, а также в потолок — это
такая своеобразная и жаркая игра. Вот почему над обрешеткой
горит огонь. А в это время слышны два жарких — дыня.
Пухтина так бы старалась сделать изобретение, чтобы
любимый предмет не портился на жару. Говорит, может
быть, и о своем творческом процессе. Можно сказать, что ее твор-
чество — это игра с огнем, которая требует особого
подхода. И она всегда была, и в поле и в поле — жар дыня, как и
в дыне дыня.

что-то разглядывал у себя под ногами. И
вдруг, как это бывает только в горах,
стремительно из-за гребня скалы выка-
тилось утреннее солнце, и засверкали
радужно чинары, засеребрилась дорога,
желтизной вспыхнули ровные скаты гор.
И солнечная волна, докатясь до Олега,
как бы преобразила его: он выпрямился,
словно наполненный животворной сол-
нечной силой, эти светлые глаза заголу-
бели, и я, поймав этот миг, подумал: «А
ведь и его поэзия может загореться так,
стоит только большим проблемам жизни
и большим человеческим чувствам озарить ее».

Знакомство с любой братской наци-
ональной литературой обогащает духовно.
И я убежден, что молодые писатели,
особенно поэты, должны с первых шагов
завязывать творческие контакты с то-
варищами из других союзных республик,
и если создадутся тесные связи на всю
жизнь, то это счастье для обоих поэтов.

И я считаю, что одно из достижений
Всесоюзного фестиваля в Душанбе — то,
что целый ряд молодых поэтов разных
национальностей заинтересовались
творчеством друг друга.

Молодая русская поэзия. Мы всегда
должны помнить, что она как сильная,
полноводная река втекает и в могучее
море славянской поэзии, которая, как
единое целое, впитывает в себя много
национальных славянских поэзий. Они
породнены и близким лексическим
строем и фольклорными традициями,
народными песнями, историческим раз-
витием народов. Когда в Душанбе я
знакомился со стихами украинцев Миха-
ила Шевченко и Анатолия Кучинского,
белорусов Геннадия Пашкова и Сергея
Законникова, я понимал, что их поэзия
оплодотворена не только их родной
поэзией, но и великой русской, которую
они ощущают как родную. И я думал,
как обидно, что молодые русские поэты
плохо знают славянские языки, редко
кто читает в оригинале стихи украинца и
болгарина, поляка и серба... От моло-
дых русских поэтов ускользает один из
плодотворных импульсов их творческо-
го движения. Поэтом уверен: изучение
славянских языков молодыми русскими
поэтами — это та животворная сказоч-
ная вода, которая может дать им боль-
шую творческую силу и яркость.

Говорят о природном даре, что это
«искра божья». Но эту искру нужно
искусно раздувать в пламя, в незатуха-
ющий огонь. Сколько способных моло-
дых поэтов пытались войти в литерату-
ру, полагаясь только на свое дарование.
Они, может, и имели первоначальный
успех, но спустя некоторое время вы-
дохлись на подступах к творческим вер-
шинам. Дарование способно развиваться,
если оно непрерывно питается соками
современных знаний, смежных обла-
стей искусств. Произведения живописи

и архитектуры, музыки и скульптуры
наталкивают мысль поэта на новые
поиски и решения. Поэту необходимы
разносторонние знания. Талант — это не
вечный двигатель, он работает лишь
тогда, когда с ним в содружестве позна-
ние. Перед моими глазами ряд судеб
современных поэтов, хорошо начавших
в поэзии, но в дальнейшем не обогатив-
ших свои творческие способности углуб-
ленным образованием, а решивших
лишь стричь купоны с «божьей искры».
Их поэзия безнадежно отстала от уров-
ня современных требований читателя.

Всякий раз оставались в проигрыше и
те, кто пытался искусственно отделить
«молодую» поэзию или «молодую» про-
зу от якобы «старой» — от того, что уже
было сделано признанными мастерами
старшего поколения поэтов и писате-
лей.

Наша советская литература, несмот-
ря на свою молодость, имеет богатей-
ший опыт, имеет незабываемые традиции,
и не изучать их, не считаться с ни-
ми — значит пытаться построить дом без
прочного фундамента. Потому что нет и
не может быть двух литератур — есть
одна, полнокровная и глубоко народная
литература социалистического реализ-
ма, постоянно обновляющаяся за счет
притока в нее свежих творческих сил и
поэтому сочетающая в себе молодой
порыв с плодотворной зрелостью.

Иногда считают, что прозаикам и по-
этам самими жанрами предопределены
разные манеры работы: прозаик работа-
ет регулярно, а поэт, осеняясь вдохно-
вением, пишет раз в месяц по стихотво-
рению, определяя свое безделье как
«психологический процесс внутреннего
накопления». По-моему, и поэт должен
все время находиться в работе. Не
обязательно, конечно, чтобы он каждый
день сочинял оригинальные стихи, но он
должен каждый день находиться в ра-
бочем состоянии. Переводы, статьи, ре-
дактура, творческие выступления, уча-
стие в общественных писательских де-
лах — это и есть та атмосфера, которая
должна окружать личность художника.
Созревание нового произведения —
сложный акт человеческого сознания,
но в основе всего лежит труд, беспощадный и беспрестанный.

Творческий труд нельзя приравнять к
массовому производству, он несет на
себе яркую печать индивидуальности,
он, по существу, неповторим.

Свои раздумья, посвященные творче-
ству молодых, мне хотелось бы закон-
чить ставшими теперь крылатыми сло-
вами Леонида Ильича Брежнева, произ-
несенными с трибуны XXV съезда КПСС:
«Настоящий талант встречается редко.
Талантливое произведение литературы
или искусства — это национальное до-
стояние».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 6 (1196) МАРТ 1977

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
картина лауреата
премии
Ленинского комсомола,
художника
Яна КРЫЖЕВСКОГО
«БЕЛО-ГОЛУБОЙ
ДЕНЬ».

1 Олег ШЕСТИНСКИЙ,
секретарь правления Союза писателей СССР.
«УЧИТЕЛЬ, ВОСПИТАЙ УЧЕНИКА!»

4 Георгий МАРКОВ, первый секретарь
правления Союза писателей СССР.
«СЛАВЬТЕ, МОЛОТ И СТИХ...»

ПОЭТИЧЕСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА
«КОЧЕГАРКА» — «ВАЛЬЦОВКА».

8 НОВОЕ ИМЯ.
Рассказ Виталия ЗАХАРОВА «РЫВОК».

11 Иосиф ТУМАНОВ, народный артист СССР.
«ЕСЛИ ТЕБЕ СНИТСЯ ТЕАТР...»

14 СТИХИ УЧАСТНИКОВ IX ВСЕСОЮЗНОГО ФЕСТИВАЛЯ
МОЛОДЫХ ПОЭТОВ БРАТСКИХ РЕСПУБЛИК.

16 Ольга ВОРОНОВА. «ЗВЕЗДАМИ ОБРЫЗАННЫЙ ЛУГ».

19 Алексей БАТАЛОВ, народный артист СССР.
«ИЗ СОБСТВЕННЫХ МГНОВЕНИИ БЫТИЯ».

22 Микаэл ТАРИВЕРДИЕВ.
«ПЕТЬ, ЧТОБЫ СКАЗАТЬ...»

24 Анна ИЛУПИНА.
«РИСУЮЩИИ ДВИЖЕНИЕМ».

27 НОВОЕ ИМЯ.
Юмористические рассказы Михаила КАЗОВСКОГО.

28 Роман Андрея ЛЕВИНА «ЖЕЛТЫЙ ДРАКОН ЦЗЯО».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. АБАШИН, С. А. АБРАМОВ, А. П. КУЛЕШОВ,
В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Г. Л. НЕМЧЕН-
КО, В. Г. ПОБЕДОНОЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖ-
ДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, Г. В. СЕМЕНОВ,
А. П. СЕРЕДА, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник),
Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник С. П. Тюнин. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда». «Смена». 1977 г.

”СТАВЬТЕ, МО

Георгий МАРКОВ,
первый секретарь правления
Союза писателей СССР

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ВСТРЕЧЕ СЕКРЕТАРИАТА ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ—ГОРЛОВСКОЙ «КОЧЕГАРКИ» ИМЕНИ П. Г. БЕСПОЩАДНОГО И «ВАЛЬЦОВКИ» МОСКОВСКОГО ЗАВОДА «СЕРП И МОЛОТ».

Работа с молодыми писателями является одним из самых важных разделов в деятельности правления Союза писателей СССР и республиканских писательских организаций. Вместе с ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС, вместе с комсомольскими организациями на местах мы постоянно стремимся разнообразить и совершенствовать формы работы с молодыми литераторами. Одной из наиболее действенных и перспективных форм, на практике доказавшей свою жизнеспособность и плодотворность, является форма литературных объединений в крупных республиканских и областных центрах, при редакциях городских газет, на предприятиях, в вузах. В стране насчитывается несколько тысяч литературных объединений, накопивших ценный опыт, который мы изучаем, обобщаем и используем в повседневной

практической работе. Особенно показателен в этом отношении пример старейших в стране литобъединений — горловской «Кочегарки» имени П. Г. Беспощадного и московской «Вальцовки» при заводе «Серп и молот». Эти объединения богаты не только своим опытом, который они накопили, но и традициями и своим прошлым.

Если сказать по крупному счету, то может быть в объединениях такого типа заключены черты будущего нашей литературы. Литературный талант участников этих объединений формируется в ту же жизнь, сотнями неразрывных нитей они связаны с рабочей средой, которая выдвинула их.

Мы очень большое внимание обращаем на то, чтобы из числа пишущей молодежи выбрать таких людей, которые своим жизненным опытом, своими чувствами, эмоциями, своим мироощущением могут с полным основанием говорить от лица своих современников.

Поэтическая перекличка

”КОЧЕГАРКА”

Горловское литературное объединение «Кочегарка» выдвинуло из рабочей среды Донбасса таких видных писателей, как Борис Горбатов, первый поэтический летописец шахтерской земли Павел Беспощадный, поэт-патриот, Герой Советского Союза Борис Котов.

Объединение «Кочегарка», носящее теперь имя П. Беспощадного, в последние годы выпустило в издательствах Москвы, Киева и Донецка более 150 книг стихов, рассказов, повестей и очерков. Двенадцать ее воспитанников приняты в Союз писателей. Лауреатом конкурса имени Н. Островского на лучшее произведение о рабочем человеке стал плотник Горловского коксохимзавода Егор Гончаров.

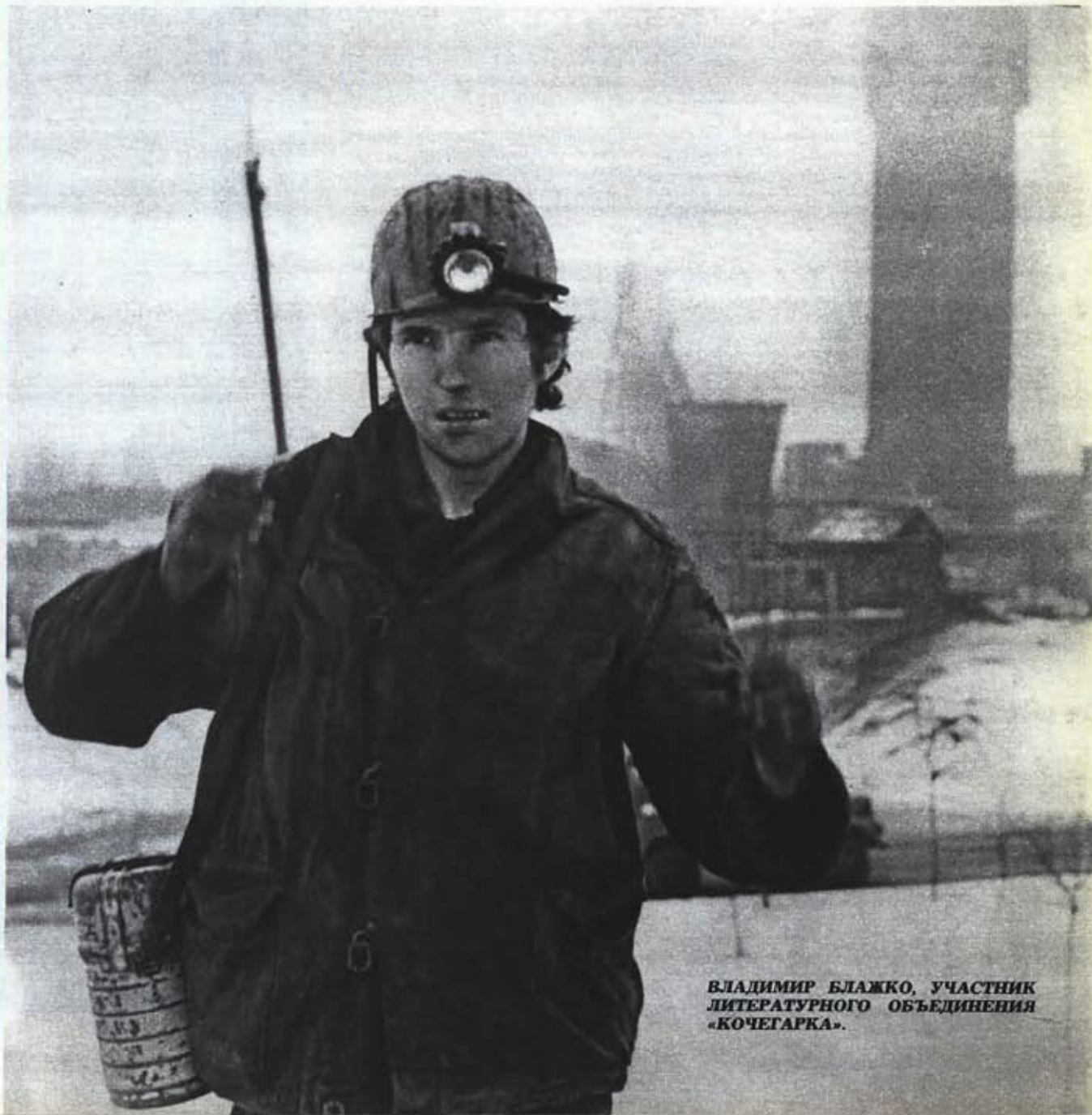
Сегодня мне хочется представить читателям «Смены» новых воспитанников «Кочегарки». Владимиру Блажке двадцать четыре года. Первые поэтические строки он написал в армии. Сейчас работает подземным электрослесарем на шахте имени Ю. Гагарина. Несколько старше его Олег Герасимов, служивший на флоте матросом-подводником, добывавший уголь в забоях «Кочегарки», где в 30-е годы на всю страну зазвучало имя знаменитого шахтера Никиты Изотова. Крепкими рабочими узлами связаны с жизнью родного Донбасса и другие участники нашего литобъединения.

Этих молодых поэтов роднят такие черты, как острое чувство отчужденности, высокая гражданственность, вдумчивое отношение к слову. Каждый из них может сказать о себе словами Олега Герасимова:

И на борту большой подводной лодки
В чужих широтах и в родном краю
Носил я серп и молот на пилотке,
Как будто биографию свою.

Пожелаем же им в творчестве поисков того огня, что родственен пламени угля, добываемого их товарищами по труду — шахтерами.

Владимир ДЕМИДОВ,
руководитель горловского
литобъединения «Кочегарка»

ВЛАДИМИР БЛАЖКО, УЧАСТНИК
ЛИТЕРАТУРНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
«КОЧЕГАРКА».

ДОЛГО УЖЕ СЛУЖА

Вот почему мы придаем такое значение содружеству «Кочегарки» и «Вальцовки».

Я хотел бы, чтобы все участники литературных объединений почувствовали интерес к союзной литературе и вместе с тем очень дорого ценили свои собственные традиции, не забывали их, развивали и умножали, делились опытом с другими объединениями Донцкой, Ворошиловградской и остальных областей республики. «Кочегарка» выдвинула много имен, дорогих для нас, являющихся украшением нашей советской литературы: П. Беспощадный, Б. Горбатов, М. Слонимский, А. Саливановский.

Это все люди, которые не только вошли в историю объединения, но и в историю края, историю советской литературы.

Мне хотелось бы пожелать вам, чтобы вы обратили самое серьезное внимание на нашу литературную молодежь. Именно с ней мы связываем новый этап

развития советской литературы, потому что эта молодежь принесет в литературу песни своего времени.

Для писателя знание жизни—это не просто сумма фактов. Действительно, отражение событий жизни в литературе происходит иным способом, чем это бывает на экзаменах или в обычных учебных условиях. Писатель пишет книги, и он по характеру своей работы затрачивает, быть может, лишь одну сотую того, что он знает, что он накопил.

В итоге работы писателя лишь одна сотая оказывается на виду, а все остальные сотые, повторяю, подспудны. Но если нет той подспудной почвы, которая питает одну сотую, то одна сотая бывает очень хилой, малоказательной, не внушающей доверия. Познание жизни—это процесс обширный, глубокий, требующий полной отдачи писательского сердца. Поэтому мы неустанно говорим и будем говорить о глубо-

ком изучении жизни, особенно современной.

Жизнь эта стала более усложненной. Теперь, к примеру, человек труда—это человек, через которого проходят нити современных социальных явлений, достижения научно-технической революции.

Как познавать жизнь? Рецептов для этого никаких нет. Мы бы дорого заплатили тому, кто бы придумал такой рецепт—как изучать, как познавать жизнь досконально, как писать высокохудожественные произведения. Но это просто немыслимо. Это фантастика, иллюзия. Работа писателя глубоко индивидуальна. Художник живет на земле, он подвержен общественному влиянию, у него формируются вкусы, отношения, взгляды.

Мы в Союзе писателей отлично понимаем те задачи, которые перед нами ставят партия и народ, мы должны способствовать писателям в глубочай-

шем изучении ими жизненных процессов, в понимании всего того, что происходит.

А процессы эти чрезвычайно сложные, они не лишены трудностей и противоречий.

И подлинную жизнь можно познать только через индивидуальные усилия. Конечно, для того, чтобы узнать жизнь, одному необходимо войти в атмосферу рабочего человека, занять его место, ощутить производство, другому достаточно это просто увидеть.

Короче говоря: окунись в людскую гущу, обожгись в горниле жизни.

В заключение хотел бы подчеркнуть, что мы рассматриваем «Кочегарку» и «Вальцовку» не как изолированные «островки», а как очень важную составную часть общесоюзного литературного движения, плодотворно развивающегося при всемерном содействии партийных и общественных организаций в центре и на местах.

Поэтическая переключка

”ВАЛЬЦОВКА”

ОГОНЬ ТРУДА—ОГОНЬ ПОЭЗИИ...

Свыше четырех десятилетий связны постоянной и нерасторжимой дружбой московские писатели с рабочими металлургического завода «Серп и молот». Еще до начала первой пятилетки в одном из старых гузовских барачков, наскоро переоборудованном под клуб, мощно звучал голос Владимира Маяковского... Это братство молота и пера, труда и творчества затем прочно скрепили старейшие писатели-коммунисты В. Бахметьев и Н. Ляшко. При их участии в ноябре 1929 года был организован при заводской газете «Мартеновка» литературный кружок «Вальцовка».

Почти на каждое занятие «Вальцовки» приходили литераторы А. Серафимович и Н. Асеев, А. Жаров и И. Уткин, А. Алдеев и В. Луговской, Н. Тихонов и С. Маршак.

Большим и давним другом «Серпа и молота» является известный поэт, Герой Социалистического Труда А. Сурков. «Героический завод, вписавший немало славных страниц в летопись военных и хозяйственных побед нашей социалистической Родины,— подчеркивал А. Сурков,— хранит в своей истории и рождает в каждом сегодняшнем дне изумительный, неповторимо прекрасный материал и для лирики, и для гражданской патетики, и для сюжетного стиха, и для песни-поэмы».

Велик вклад писателей столицы в дело повышения культуры рабочего класса, в дело воспитания творческой смены. Это они помогли вырастить из рядов «Вальцовки» двенадцать профессиональных литераторов—членов Союза писателей СССР. А скольких приобщили к книге, убедили пойти учиться в вечерние техникумы, институты, стать мастерами и инженерами!

Так навсегда породнились в славной Москве рабочий и писатель, так возмужало и окрепло содружество творчества и труда, ставшее характерным явлением наших дней.

Александр ФИЛАТОВ,
руководитель литобъединения «Вальцовка»

НА ОЧЕРЕДНОМ ЗАНЯТИИ ЛИТОБЪЕДИНЕНИЯ «ВАЛЬЦОВКА». В ПОЭТИЧЕСКИХ СПОРАХ РОЖДАЕТСЯ ИСТИНА

Поэтическая перекличка

“ВАЛЬЦОВКА”

Михаил БОГДАНОВ,
слесарь

Отец

У дороги полевой
Под березкой робкою
Парень спал в руках с косою,
Как солдат с винтовкою.
Атакуют парня сон
Волнами свинцовыми,
Снова бой со всех сторон
Загремел над селами.
Матерей плененных стон,
Плач детей потерянных
Переплавил в пули он
У села Петелино.
А усталость валит с ног,
Ночь пожаром вздыбило,
Боя огненный прыжок
Кудри парню выбелил.
Шестиствольный миномет
Роет землю яростно.
Накрывают мины взвод,
Словно волны парусник!
Землю с визгом рвет металл,
Каску смерть царапает...
Гибнет рота! — парень встал
На врага с гранатою!
Враз качнулось все вокруг:
И земля и зарево —
То осколок, словно плуг,
Грудь ему разваливал.
Повело, толкнуло в бок,
Ослепило взрывами...
Прошептал солдат: «Сынок...»
И упал под ивами...

...Над березою седой
Тишина зеленая...
Вновь увиделась со мной
Юность опаленная!

Яков ЧЕЛНОКОВ,
котельщик

Родники души

Твое — в тебе,
Мое — во мне,
Но есть и третье в жизни —
Наше!
Что личного —
Сильней и краше,
И сердцу
Дорого вдвойне.
Лишь наше
Укрепляет нас.
Оно нерасторжимо с личным,
И это вижу я отлично
В двух родниках
Глубоких глаз.

Андрей ГОРЯЧЕВ,
грузчик

В кузнечном цехе

Тишина, как перед боем...
Сникли грохот и жара.
Цех, как на привале воин,
Отдыхает до утра.

Утро распахнет ворота,
Разведет огонь в печах,
Закипит вокруг работа
В ослепительных лучах.

В цехе — словно гул орудий,
Словно праздничный салют.
За работой мирной люди
Мирным людям
мир куют.

Всеволод КУЗНЕЦОВ,
геолог

Чем станешь, книжка записная,
С какой судьбой судьба сведет,
И кто, в ночи тебя листая,
Над словом дух переведет?..

Но в чьи б ты руки ни попала —
Перед твоею белизной
Хочу, чтоб сердце не солгало,
Как перед другом и женой.

Леонид АКИМОВ,
инженер

Ждите ответа

Диск телефонный
замученно замер,
номер вокзальный
заученно занят.
Но как надежда,
как проблески света,
слышится в трубке:
«Ждите ответа...»

Ждите ответа!..
Взмывает ракета
к звездным мирам,
неизвестным планетам,
может быть, разум
там теплится где-то —
ждите ответа,
ждите ответа!

Счастье расцвечено
красками лета,
только предательство —
черного цвета,
сплетням не верьте,
не верьте наветам —
ждите ответа,
ждите ответа...

Гнутся от ветра
мачты корвета
под парусами
алого цвета.
Юнгами в море
уходят поэты —
ждите ответа,
ждите ответа!

Наталья ГОЛОСЕЕВА,
учительница

Родник

Я иду по мягким травам...
Сушит губы летний зной.
Повернула тропка вправо
И родник передо мной.

Я к струе приникла жадно,
Зазвенел водою ключ,
В глубине его прохладной
Засверкал, колеблясь, луч.

Показался путь мне дальний
В душный полдень легким вмиг...
И такой водой кристальной
Напоил меня родник.

Екатерина МИШИНА,
библиотекарь

Труженикам

Не капля единая,
капли
Гранитную толщу пробьют.
Советские люди, не так ли,
Упорно победу куют?

Одни у прокатного стана,
Другие монтируют дом...
И так день и ночь непрестанно
Отечество славят трудом.

Легко ли в страду хлеборобам
Трудиться на доброй земле?
Почетен их труд,
благодарен,
Как хлеб, что на каждом столе.

Искрятся листья на бульварах,
Дымятся рыжие костры.
Рука в руке проходят пары,
Дорожки осени пестры.

За далью даль штурмуют птицы,
На юг стремятся журавли,
Чтоб к нам весною возвратиться,
Где крылья жизни обрели.

«КОЧЕГАРКА» В ГОСТЯХ У СТУДЕНТОВ ГОРЛОВСКОГО ПЕДИНИСТИТУТА.

Владимир БЛАЖКО,
электрослесарь
шахты имени Гагарина

Три заповеди

Деревья—
Это счастье и мечты.
Бессмертие и радость—
Наши дети.
Отчизна—
Это я, и он, и ты,
Все то, за что с тобою мы в ответе.
И для меня нет ничего важней,
Чем выполнять три заповеди жизни:
Сажать деревья,
Пеленать детей
И, если надо,
Жизнь отдать Отчизне.

Каменная книга

П. Г. Беспощадному

Я эту книгу бережно раскрою
И удивлюсь—
Уже в который раз!—
Как ты суров,
Как ты красив собою,
Мой многотомный,
каменный Донбасс!..
И будут снова вспыхивать зарницы,
И будет в шахте угольной темно...
И, заложив закладкою страницу,
Я распахну на улицу окно.
Пройдут со смены мимо горловчане
С отметинами черными у глаз.
Я тоже твой читатель неслучайный,
Мой многотомный,
каменный Донбасс.

А за окном—
Весна уже настала.
А за окном—
Гудки издали.
И солнце светит
Так же вполнекала,
Как после смены лампа горняка.
И нет предела птичьему веселью.
И серебрят сады вишневый цвет...

А там, вдали,
Прозрачной акварелью
Два террикона вписаны в рассвет.

Евгений ЛЕГОСТАЕВ,
проходчик шахты

Ночная смена

Не вхожи сюда золотые рассветы,
Но, если хотите, я чую нутром
Вот эти знакомые с детства приметы:
Когда будят солнце в колодце ведром,
Когда по земле моей юной и древней
Уходит к покосам мой дед с «тормозком»,
Когда даже воздух над всею деревней
Пропитан насквозь ароматным кваском...
Меня разморит, одолеет зевота,
И все же мне нравится эта пора,
Когда за спиною осталась работа
И клеть поднимает меня на-гора.

Город мой

Я встаю, когда кроны деревьев
Птичьей песней встречают зарю,
И в душе моей столько доверья,
Будто с каждым окном говорю.
Город мой, опускаясь к забою,
Открывая крутые пласты,
Уношу я в глубины с собою
И частицу твоей красоты.
Город мой, я ни много ни мало—
Сорок весен как связан с тобой,
С тем, который на высь пьедестала
Поднял парня с шахтерской душой.

Николай ЧАЙКОВСКИЙ,
учитель

Кленовый лист

Кленовый лист весь золотой
Достал я из колодца,
И засиял он предо мной—
Как бы осколок солнца.

И я второй раз опустил
На дно ведро пустое:
Где клен растет, должно светить
И солнце золотое.

Должно светить... И я верчу
С тех пор упрямо ворот:
Я солнце вытянуть хочу,
Хоть лист мне тоже дорог.

Поэтическая переключка

“КОЧЕГАРКА”

Алла ШЕВЧУК,
учительница

Наш дом

Был плотник как плотник—
один на округу.
Он гвозди, склоняясь
над каждой доской,
Вколачивал левой
весомо и грубо.
А мама была его правой
рукой.
Война не коснулась
родного порога.
Порог, как и дом,
был построен потом.
Когда отрыдала,
отвыла тревога,
Построен был этот
наш маленький дом.
И не потому ли в нем
света так много?
И не потому ли так
много тепла?
Война не коснулась
родного порога,
Беда стороною
его обошла.

Светлана ДОЛЖЕНКО,
учительница

Антрацит

«Антрацит,— сказала Зоя,—
Добывается в забое».
«А еще,— сказала Света,—
Добывают там конфеты:
Никогда еще наш папа
Не вернулся из забоя,
Чтобы вкусные конфеты
Не принес бы нам с тобою».

Тамара МАЩЕНКО,
юрист

Прибы шум в моих ушах утих.
С утра сегодня холодно и ветрено.
Как много сентябрей прошло моих,
а я их совершенно не заметила.
Не помню ваши мягкие огни,
не помню ваши стынущие ливни.
Меня судите, сентябри мои,
судом забвенья самым справедливым.
Я поднимусь сегодня до зари,
не потревожа мир сынишки спящего.
Запоминай, мой мальчик, сентябри,
летающие, летающие, летающие.

— Что же, что же такое Россия?—
как-то я у шахтера спросила.
И ответил глубинным он басом:
— Называю своею Россией
городок мой рабочий в Донбассе...
Я солдата об этом спросила.
И поведал он, мудрый и старый:
— Называли солдаты Россией
пядь земли, что их совестью стала...
Мне твоих не объехать селений,
не успеть переплыть все моря.
И в единственном имени— Ленин—
вся Россия вместились моя.

Олег ГЕРАСИМОВ,
журналист

Не стареют стихи, если их назначение взрываться
И, взрываясь, дарить людям солнце на тысячи лет,
Если грозно-безмолвный народ у ворот самозванца
В атакующий класс обращает народный поэт.
Маяковский и Пушкин,
Кому-то казалось нелепостью
Даже сравнивать вас, «представителей разных эпох»,
А в Москве между вами одна остановка троллейбусом,
А во мне между вами один только выдох и вдох!

понял бы? Он понимал суть сыновья «дела» и именно поэтому уловил бы, почему тот решил оставить его. Плохо они пошли, дела-то, настолько плохо, что он не просто уехал, а, прямо сказать, сбежал.

— Юрэ вара,— сказала вдруг мать. Но неожиданное «ладно тогда» прозвучало у нее почти с угрозой: поглянем, мол, чем еще это кончится.— Спать давай. Утро придет—ум приведет. Я на печи лягу, кости надо прогреть, что-то неможется...

Встала и пошла, широко ступая, к кровати.

Помешали матери лыжи, приставленные у изголовья, она взяла их, чтобы отставить, и удивилась: длиною почти до потолка, они оказались такими легкими, что и в руках не почуяла. Потрясла ими, загляделась. Красивые были лыжи: бока желтые-желтые, по зеркально-черному верху оранжевые полосы—стрелами, а на острых носках слова какие-то выгнуты чужими буквами.

— Из чего ж они выструганы?—спросила.—Легкие, что пух.

— Это, мама, не наши лыжи, австрийские,—оживился Геннадий.—Фирмы Кнейселя. Низ у них не деревянный, а из пластика.

— Фермы?—уловила она всего одно знакомое слово.

— Нет, фирмы,—сдержал Геннадий улыбку.—Ну, фабрики, значит. А хозяина этой фабрики зовут Кнейсель. Его лыжи считаются лучшими в мире.

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

Мать, понял, уже не слушала его. Приткнула лыжи в угол, взбила подушки, потыкала зачем-то в матрац и, набросив на него простыню и одеяло, полезла на печь. Геннадий осеял, посидел недвижно, вода глаза по цветочным кружевам на клеенке...

Вернулся, называется, в отчий дом! А чего ж ты хотел? Чего ждал? И кого винить?..

Приподнял край шторы и стал смотреть в заоконную муть. Без шелуха стлы там белесые копы ближних ветел, словно вытолкнутые из глубины ночи, да кололись два-три огонька, обращенные морозным туманом в ершистые шарики. И чуялась там бездонная немота, хотя живет, конечно, в центре села клуб, где крутятся сейчас, возможно, кино или топочут танцующие. На «Камчатке», в заовражных фермах, еще кипит работа, а тут, в утме крылечек и подворотен, уже торчат, конечно, робко горячие, с припухшими губами парочки, гордо презирающие мороз. Ну, эти—из другого века... А его сверстники, привязанные к Тобурданову родительской старостью, механизаторской зарплатой, женами, детьми, житейским хламом, солидно листают в читалке журналы, пыжатыся над шахматной доской или под соленые шуточки тыркают в фойе бильярдные шары.

Но завьись туда он—«Геннадий Иванович»,—тут же умолкнет говорок, ойкнув, порвется музыка, все разинут на него рты как на чудо-юдо заморское. Даже киномеханик, было дело, прибежал однажды из своей будки поглядеть на знаменитого земляка, устроил сеанс с перерывом...

Может, надо со своими одногодками сперва хорошенько выпить?..

Чуть не вслух засмеялся Геннадий, представив себя пьяным... Когда и где это было-то? И враз легко стало, уверенно.

Завтра же спозаранок—на лыжи и отдай двадцать—тридцать обещанных Кириллу Ксенофонтовичу километров. Чтобы ежедневно и с полной выкладкой. А лыжню проложить предельно усложненную. Сначала, пожалуй, вдоль Цивилия вверх—берег там с перепадами, потянет дышалку будь здоров, потом—в гору по Улюн-полю, к роще...

Ну, а теперь—спать. И что заладил без конца обсасывать одно и то же? Уехал—приехал, свой—чужой... Видно будет! Спать, спать.

То ли приказ подействовал, то ли умотала все же дорога—уснул Геннадий быстро и крепко. Лишь под утро пришли и сдавили сердце два коротеньких сна, легко перетекших друг в друга.

По лужку-лужочку, топчогону школьному, несутся они пыхтящей гурьбой, пятиклашки. Впереди мчится он, Генуся Торпоков. Он ловчее всех в классе, он быстрее всех! Он первым добежит до колышка с флажком и первым обратно до оградки, где стоит отец и важности ради поглядывает на часы. Вот и флажок, скорее, скорее! Но что это? Рядышком—натужное сопенье и частый топоток: его обгоняет Колька Мигуныков! Пригнул голову, набычился и катится по траве, что тебе одуванчик: маленький, толстый, полотняная рубашонка вздулась на спине. Наподдал Генуся изо всех сил—все равно Колькина спина впереди. И споткнулся Генуся на ровном месте, упал и не может вскочить, лежит и слышит—просопел мимо него весь класс. И что ему остается делать, как не зареветь в голос?!

И сразу же обвалом: людской многопестрый коридор, ветровые барабаны транспарантов, гулки взрывы мегафонов. Глаза невольно вперекос—за ним готовится к старту Рендунд, молодой гений, за сезон побивший почти все мировые рекорды. Старательно не смотрит на Торпокова, тоже всего один год назад объявленного королем лыжни. Досадно: слепой жребий поставил шведа именно за ним. Но ничего... Выдох Кирилла Ксенофонтовича: «Пошел, Гена!» Неторпоко, но мощно начал он отмахивать метры, которых немало впереди—тридцать тысяч. И хорошо шел, чувствовал сам, и даже усмехнулся непривычному для его слуха требовательному «о-ойх!» за спиной: слишком горяч швед, сторит на половине дистанции. Пристроился за Рендундом лыжа в лыжу, решив не торопить события, а обойти где-то на последних километрах и оторваться уже наверняка. Но вот прошли вторую подкормку, вышла лыжня на последнюю «пятерку»—Рендунд заметно прибавил, еще и еще, а на том тягуне, который намечен был Геннадием для отрыва, надал так, что Торпоков понял вдруг: спекся сам, идет уже на пределе. На глазах уходит Рендунд, и ничего, ничего нельзя сделать... И вот идет он, свергнутый чемпион Торпоков, и, забыв обо всем остальном, ярится лишь на то, что некогда даже смахнуть с глаз нектати вышибленные ветром слезы...

2

— Давай!..

— Пошел, Витя!

Проводив на второй этап Виктора Степанцова, тренер прикинул в уме: пусть проиграем тут еще метров сто—двести, а победа все одно в кармане. Эстафета идет как по маслу. Третий этап наверняка они не уступят—там пойдет Володя Петров, братишка двоюродный, блеснувший вчера на «десятке». А на последнем этапе легко наверстает потерянное он, выступающий тренер Торпоков. Ничего, что перед ним от команд-соперниц тоже пойдут лучшие, все мастера спорта, парни крепкие физически и уже тертые, в хитросплетениях гонки тоже разбираются будь здоров. Но Торпокову они все-таки не ровня. Предрешищность победы, кажется, уловили и сгрудившиеся у финиша болельщики—лица их сияли,—и местные судьи, такие нарочито суровые и бесстрашные, и лыжники из соседних областей—эти хмурыми кучками стояли в стороне и о чем-то перешептывались. Ну ясно, о чем. Выезжая «на зону» сюда, в Чувашию, которая никогда не претендовала на призовые места, они, конечно, никак не могли знать, что за хозяев будет выступать «сам» Торпоков—член сборной страны, экс-чемпион мира, заслуженный мастер спорта.

Да, Торпоков выступает, хотя всего неделю назад он и краешком уха не слышал об этих кустовых соревнованиях. Вчера он легко выиграл свою коронную дистанцию—индивидуальную гонку на тридцать километров, а сейчас вот обеспечит команде победу в эстафете четыре по десять. Да и успех Володи Петрова—парень до сих пор не верит еще, что «уделал» семерых мастеров!—и неплохое выступление остальных членов команды можно записывать на его, тренерский уже, счет...

Первое дело тут, конечно, подбор мази. О, мазь—король скорости! Сколько хороших лыжников на самых ответственных соревнованиях горели из-за неудачно подобранной мази! «Попасть в мазь»—это целая наука. Но науки одной мало—еще и чутье требуется. Однажды научная группа сборной, исследовав снег и выслушав прогноз погоды, разработала сложнейшую многоцветную палитру смазки, но Торпоков, лидер команды, настоял только на «экселитах». И оказался прав... Недаром прошел «снежную академию».

И еще получилось удачно, вспомнил Геннадий, что прихватил, покидая Москву, кое-что из старых своих запасов «экселита», черной «роды»... Две-три тренировки—разниochки до хорошего пота, которые он успел провести, тоже

...АРТИСТ—ЭТО ТОТ, ДЛЯ КОГО ТЕАТР—ЕГО СЕРДЦЕ.
ЕГО ТЕКУЩИЙ ДЕНЬ—ДЕЛО ТЕАТРА.
СЛУЖЕНИЕ РОДИНЕ—ЕГО СЦЕНА.
ЛЮБОВЬ И ПОСТОЯННЫЙ ТВОРЧЕСКИЙ ОГОНЬ—ЕГО РОЛИ...
В ВОПРОСЕ ВОСПИТАНИЯ АРТИСТА ЦЕЛЬ—
ВЫРАБОТАТЬ НЕ ТОЛЬКО ЧЕЛОВЕКА,
УМЕЮЩЕГО ГИБКО И ЛЕГКО ЗАЖИГАТЬСЯ
ПРЕДЛАГАЕМЫМИ ОБСТОЯТЕЛЬНОСТВАМИ.
АРТИСТ ДОЛЖЕН БЫТЬ УСТОЙЧИВ В СВОИХ ЭТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ...
ТРУДОСПОСОБЕН И ЧЕТКО ПОМНИТЬ: КОГДА ЗАНАВЕС УПАЛ,
РОЛЬ АРТИСТА НЕ КОНЧЕНА.
ОН ДОЛЖЕН НЕСТИ В ЖИЗНЬ БЛАГОРОДСТВО И КРАСОТУ.

К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ.

ЕСЛИ ТЕБЕ СНИТСЯ ТЕАТР...

Иосиф ТУМАНОВ,
народный артист СССР,
профессор,
заведующий кафедрой
режиссуры ГИТИСа,
лауреат
Государственной
премии СССР

УРОК СЦЕНИЧЕСКОГО МАСТЕРСТВА.

Чerez два года Государственный институт театрального искусства, в котором я работаю вот уже четверть века, будет отмечать свое столетие. Этот творческий вуз дал многонациональному советскому театру немало замечательных творческих работников, получивших широкую известность. Достаточно сказать, что сегодня в семидесяти пяти городах страны театры возглавляют воспитанники нашего института.

ГИТИС возглавляли такие большие актеры, как Л. М. Леонидов и М. М. Тарханов. Кафедрами актерского и режиссерского мастерства, курсами руководили А. Д. Попов, И. М. Раевский, А. М. Лобанов, В. А. Орлов, В. В. Белокуров, О. И. Пыжова. Среди сегодняшних педагогов ГИТИСа— знаменитые актеры и режиссеры разных поколений, и в том числе люди, непосредственно работавшие с Константином Сергеевичем Станиславским...

У каждого своя дорога в искусство. И далеко не все открывают свое призвание в детстве или даже после окончания средней школы. Но в один прекрасный

день человеку начинает сниться театр, и он осознает, что не может жить без сцены. Поэтому среди поступающих в ГИТИС есть и рабочие, и инженеры, и юристы, и биологи, и журналисты, и историки...

К нам приходят и люди, имеющие практический стаж работы в театре,—режиссеры и актеры, которые хотят повысить свой профессиональный уровень. И, разумеется, поступить в ГИТИС мечтают влюбленные в театр десятиклассники... Они, на мой взгляд, делятся на две группы. В одной—молодые люди, влюбленные в театр вообще. При более близком знакомстве с ними выясняется, что в театрах они бывают редко, с историей искусства незнакомы, в самодеятельности никогда не участвовали... А вот в другой группе—те, кто любит театр осознанно. Это участники самодеятельности, люди увлеченные, со своими пристрастиями, у них есть и свои любимые актеры и свой любимый театр... Это, говоря словами Чехова, люди деятельной любви. И многие из них выдерживают испытания и становятся нашими студентами.

Поступить в ГИТИС трудно: на каждое место претендуют 8—9 человек. Требования приемной комиссии очень высоки. Но я хотел бы сказать всем, кто

собирается поступать в наш институт: мы мечтаем о встрече с одаренными людьми. И больше всего в день испытания боимся проглядеть их, не понять, не оценить по достоинству.

С каждым из поступающих мы проводим собеседования. Со многими—по два, а то и по три раза. Во время таких бесед стараешься понять характер человека, круг его интересов, узнать, где он учился, как его воспитывали. Задаешь самые разнообразные вопросы, чтобы понять не только его творческую, но и человеческую суть...

Но вот приемные экзамены позади, и мы встречаемся со студентами-первокурсниками на первом занятии. Слово за нами, педагогами: «Учитель, воспитай ученика...» Воспитать же ученика не удастся, если не жить с ним одной жизнью, одними заботами, болями, надеждами. Только в том случае, если учитель, педагог с горячей заинтересованностью, с любовью относится к своему воспитаннику, если каждый промах ученика рождает в учителе страстное желание помочь, только тогда он может постичь суть молодого человека, его скрытые ото всех—но не от него, педагога,—возможности.

Встреча с такими людьми, истинными педагогами,

**И БОДЕЛЬЩИКИ,
И ЭКЗАМЕНАТОРЫ.**

не любят друзья или педагоги. Я очень хорошо помню, как известная сейчас актриса Московского театра оперетты Алла Сурагина всякий раз, когда я вызывал ее на сценическую площадку выполнить простейший этюд, заливалась слезами. Чего я только не придумывал, чего только не изобретал, чтобы она обрела внутреннее равновесие, поверила, что к ней относятся доброжелательно, и почувствовала себя на сцене свободно. Потом Алла великолепно занималась, прекрасно играла в учебных спектаклях.

Есть и другая категория студентов. Эти яростно убеждены в том, что каждое их сценическое проявление великолепно. Такой актер уверен, что каждым своим выходом на сцену покоряет мир. И заставить его критически отнестись к себе — длительный и довольно сложный процесс. Приходится обнаружить и перед этим студентом и перед его товарищами всю несостоятельность его внутреннего настроя, и для этого иногда пародируешь его и даже ставишь в неловкое положение. Цель у педагога при этом одна: заставить студента понять свои промахи и заблуждения.

Я вспоминаю, что в молодости тоже страдал этой юношеской самовлюбленностью. Когда я приехал в Москву, у меня было ощущение, что я уже все умею. И мои педагоги — Николай Васильевич Демидов, Леонид Андреевич Волков, Юрий Александрович Завадский — первым делом старались сбить с меня это

способна резко изменить всю твою судьбу. Об одной такой встрече я хочу рассказать.

В 1923 году в Тбилиси приехал на гастроли Бакинский рабочий театр. Там были великолепные актеры: Танеев, Горин, Лаврецкий... Возглавлял театр Давид Григорьевич Гутман, удивительной одаренности режиссер. Мне тогда было 16 лет, и я пошел в этот театр статистом, чтобы познакомиться с замечательными актерами и просто подышать запахом кулис... И вот однажды меня останавливает Давид Григорьевич и спрашивает: «Голос у тебя есть?» Я говорю: «Есть». «Ну, крикни что-нибудь». Я крикнул. «Хорошо. Вот тебе роль, выучишь к утру. Будешь начинать спектакль «Тайна Нельской башни». Я задумал этот спектакль как фанфаронаду. Ты будешь стоять на башне и начинать спектакль монологом».

Утром я пришел на репетицию, встал на эту высокую башню и по команде режиссера начал... Читаю монолог громким голосом, изо всех сил стараюсь быть выразительным, по тогдашним моим понятиям, и вдруг останавливаюсь. Забыл какое-то слово. Но тут же его вспомнил и продолжаю дальше. И здесь я почувствовал, что говорю не один. Я посмотрел вокруг себя, глянул вниз, а там, под башней, бегают Гутман и кричит, что я мальчишка, что я не ценю своего счастья и не понимаю, что наконец-то наступило счастливое время, когда театр начинает жить без суфлера, а я ролей не учу!

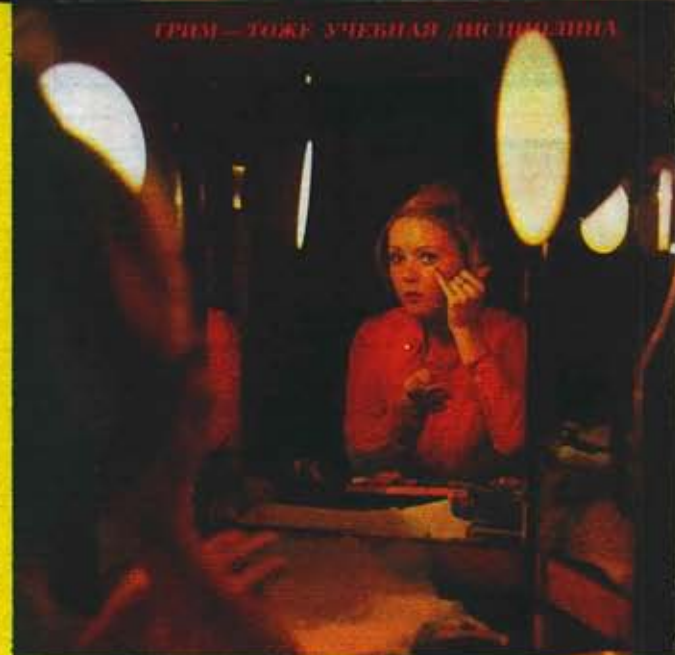
Кончилась эта тирада гневным: «Вон из театра, и чтоб я тебя здесь больше не видел!»

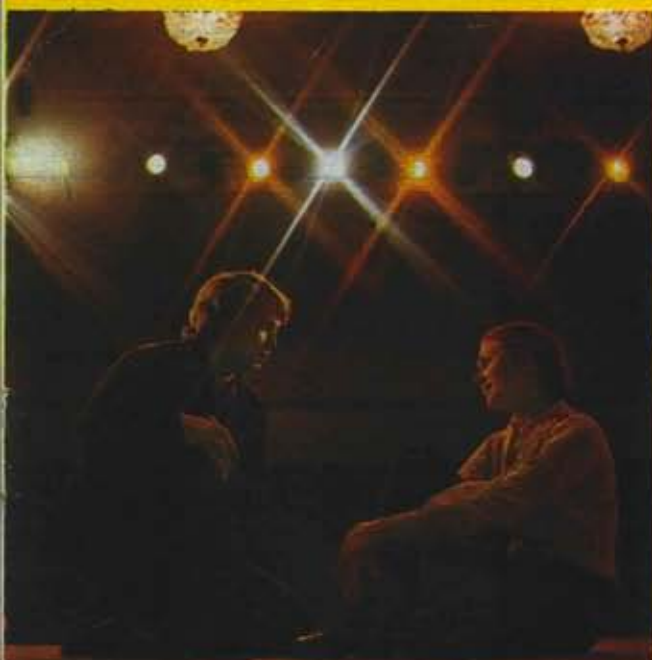
Я расплакался и решил уйти. Но старые актеры — Горский и Танеев — меня задержали: «Не уходи. Не делай глупости. Это он любя. Для того, чтобы из тебя получился человек».

Я остался. И вечером участвовал в спектакле. А в антракте ко мне подошел Давид Григорьевич, поцеловал меня и сказал, что я имею право стать артистом. Что у меня хороший голос, настоящий темперамент, что я искренен и непосредствен. «Ты должен ехать в Москву. Там МХАТ, там Станиславский, там ты должен терпеливо учиться трудному актерскому искусству...»

Я, наверное, лет пятьдесят занимаюсь педагогической деятельностью. Но до сих пор помню уроки моих учителей и самого первого — артиста бывшего Александринского театра Михаила Георгиевича Диевского, и педагогов студии, которой руководил Юрий Александрович Завадский, и, конечно же, Константина Сергеевича Станиславского. Все они отличались исключительной душевной страстностью, отдавали нам все свое сердце...

Студенты творческого вуза — это, как правило, люди с повышенной возбудимостью, даже мнительностью. И педагоги должны это учитывать. Ну, скажем, есть студенты, которым «что-то кажется». Одному — что он недостаточно одарен, другому — что его

СЦЕНА ПЬЕСЫ «СЕКТАК ПЕРСАМАН» СЧАСТЛИВАЯ И КОРНЕВИЛЬСКИЕ КОЛОКОЛА...

всезнайство и освободить от упоения собственными достижениями...

Рецидивы этой болезни были у меня и позже. Я очень хорошо помню, что, когда был совсем молодым режиссером, появилась у меня этакая манерка — покрикивать на актеров. Меня захлестывал азарт молодости, темперамент. И мне казалось, что в этом крике есть романтика работы. Но старшие товарищи сказали мне: «Ты же людей обижаешь! Давай, брат, подержаннее». После этого замечания я начал репетировать страшно вежливо. Актеры же не знали, что мне сделано замечание, и, не понимая, в чем дело, стали беспокоиться. Один из них подошел ко мне и попросил: «Ты на меня, пожалуйста, хоть немножко покричи. Я иначе работать не могу...» Но я уже не в состоянии был пойти ему навстречу, с тех пор манера покрикивать исчезла у меня навсегда.

ГИТИС — один из старейших творческих вузов страны. За долгие годы педагогической практики здесь сложилась стройная система обучения, в основе которой школа, созданная К. С. Станиславским.

Мы не разграничиваем предметы на главные и не главные. Мы готовим для театра людей всесторонне образованных. И потому настаиваем на активном воздействии на студента всех без исключения дисциплин — от предметов общественно-политических, философии, эстетики, истории театра и искусства до танца и движения. Мы воспитываем в студенте

неутомимого работника. Человека энергичного и настойчивого, помнящего, что в искусстве право на труд предстоит в большинстве случаев завоевывать.

Мне представляется важным подчеркнуть и условие духовной кооперации, возникающей между студентами нашего института. Что я под этим подразумеваю? Прежде всего свободное общение между воспитанниками разных факультетов: театроведческого, режиссеров эстрады и цирка, кукольного театра, актеров музыкального театра, балетмейстеров, педагогов хореографического искусства с уже названными будущими актерами и режиссерами драмы. И мы, педагоги, слышим за раскованным, исключительным всякую дипломатию студенческим спором крепнущие голоса специалистов: искусствоведы по-товарищески, но с юношеским максимализмом рецензируют учебные работы актеров и режиссеров, мысли балетмейстеров небезынтересны режиссерам эстрады, актеру музыкального театра есть о чем посоветоваться с драматическим.

Творческое кооперирование, приветствуемое нами в студенческом общении, мы в значительной мере переносим и на учебную программу, намереваясь сблизить институт с производственной обстановкой. Поэтому мы практикуем объединенные актерские и режиссерские мастерские.

Совместное обучение актеров и режиссеров — это очень давняя проблема. И решают ее в разных творческих вузах по-разному.

Встреча режиссера с актером уже в стенах учебного заведения устанавливает те первые навыки совместной деятельности, которые крайне необходимы в дальнейшей профессиональной работе.

Но довольно часто случается так, что, загруженные своей собственной программой, режиссеры и актеры не находят времени объединиться в каком-то общем деле. И все же мы пытаемся создать такие условия, при которых это стало бы возможным.

И вот, скажем, А. А. Гончаров и другие наши профессора обучают — и довольно успешно — режиссеров и актеров на одном и том же курсе. Мне показалось, что это не единственный путь. Есть и другие. Два года назад я набрал курс режиссеров, а в прошлом году — курс актеров. Таким образом я дал некоторую фору режиссерам. Я рассчитывал, что когда мои актеры по своей учебной программе подойдут к исполнению ролей в отрывках из советских и классических пьес — это произойдет на втором семестре второго курса, — то к этому времени мои режиссеры, будучи уже студентами третьего курса, обретут известные профессиональные навыки, и я смогу предоставить им возможность работать с этими актерами. Сначала под пристальным наблюдением педагогов, а затем и самостоятельно. Таким образом возникнет творческое содружество между актером и режиссером.

Так как студенты были ориентированы на это с самого начала, то актеры-первокурсники с большим интересом относились ко всем режиссерским опытам второкурсников-режиссеров, а те самым внимательным образом изучали «труппу», состоящую из их младших товарищей-актеров.

Сейчас идет «стыковка» подготовленных одной и той же творческой средой актеров и режиссеров.

Здесь возможны два варианта. Первый — когда режиссеры выбирают драматургический материал, над которым хотели бы работать, и после утверждения этого выбора педагогами начинают подыскивать себе актеров.

Второй вариант — когда инициатива идет от актера: у него возникает желание сделать какую-либо роль, и

он предлагает режиссеру, который кажется ему наиболее близким по творческому почерку, принять в этом участие.

Я большой сторонник самостоятельных работ. И считаю, что они чрезвычайно способствуют возмужанию дарований режиссеров и актеров. Однако, по моему мнению, начинать самостоятельную работу можно не раньше второго курса. До этого студенты должны воспринять необходимую сумму основных знаний. Потому что нигде — и в искусстве тоже — никакая одаренность не подменит знание.

...Сорок лет существует режиссерский факультет ГИТИСа — первый опыт формирования постановочных кадров, художников-командиров, возглавивших сотни театров в стране и за ее пределами. Факультет дал советскому театру таких крупных мастеров, как Г. Товстоногов, Д. Алексидзе, А. Гончаров, Г. Голубовский...

В наши дни функции театралов «вожаков» — режиссеров стали еще более широки и значительны. Мы полагаем, что современный режиссер должен быть не только творческим руководителем, выражающим мысли и надежды коллектива, но и его воспитателем.

Молодежь нетерпелива. Сегодня это заметнее, чем, скажем, двадцать лет назад. Особенно у режиссеров, не скрывающих от нас, педагогов, надежд возглавить в скором будущем театральные коллекти-

вы. Мы не имеем права разубеждать их в своих силах. Но научить трезво оценивать свои возможности обязаны.

Мы обязаны думать и о театрах, давно существующих, куда придут по окончании вуза наши студенты, и о театрах молодых и только-только организуемых, где молодежь составляет костяк.

Сегодня в ГИТИСе работают многие выдающиеся мастера искусств, здесь ведется очень большая научно-методическая работа, создаются учебники, по которым обучают будущих деятелей театра не только в СССР, но и во многих зарубежных странах...

Размеры статьи не позволяют мне, к сожалению, рассказать и о весьма значительных достижениях выпускников ГИТИСа — балетмейстеров, деятелей музыкального театра, театроведов, которые с успехом представляют нашу школу и в Советском Союзе и за рубежом.

ГИТИС — это постоянно развивающийся, живой, творческий организм. И, естественно, перед нами, работниками этого вуза, постоянно возникают все новые и новые проблемы. Решая их, мы всегда стремимся найти оптимальное сочетание нового, постоянно рождаемого реальной жизнью, и великих традиций русского и советского искусства.

ФЕХТОВАНИЕ — ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ПРЕДМЕТ.

Какабай КУРБАНМУРАДОВ,
Ашхабад

Пристрастность

Пирамидальные мне любви тополя —
Они долин цветущих украшенья,
Их кружевною и густою тенью
Накрыта, как платком, моя земля.

Хотя душою к тополям лечу,
Чтоб к тонкой красоте их приобщиться,
Но саксаулам пыльным поклониться —
Их мужеству безмерному — хочу!

Какие б тяжести мой век с собой не нес —
Мужчина тот, кто все осилить может...
И мне цветок гребенщика дороже
Оранжевых утонченных роз.

Перевел с туркменского
Анатолий ПАРПАРА.

Валентин БОБРЕЦОВ,
Ленинград

Шторм на Ладожском озере

Ладога — не озеро, ладонь,
и гадай по линиям волн:
либо —верху дном — на валуны
Валаама, либо же — на дно.

Бьются брызги — сотнями багров
о борта, а эхо — до глубин
озера, и помнится по гроб,
что закат на Ладоге багров:
будто не вода — гемоглобин.

Не надо незначущих слов.
И не надо судачить.
Пусть будут весна и весло
и удочка — купно с удачей.

Пусть будут огонь и табак,
чернила, перо и бумага,
чтоб волосы ветру трепать —
простор...
Больше просто не надо.

Энвер НИЖАРАДЗЕ,
Тбилиси

Зеркало

Это море — громадное зеркало —
корабли, что я видел когда-то,
отразило в себе
и сегодня
возвращает мне их отраженья...

Это море — громадное зеркало —
города, что я видел когда-то,
вновь откроет мне как на ладони
шпили, скверы, проспекты, дома...

В этом зеркале вижу я снова
мускулистых мужчин и детишек,
вижу женщин и камни цветные,
вижу раковин гибкое тело.

Вижу легкие полосы света
и порхающих лампочек крылья,
вижу черный транзистор
и солнце,
что уткнулось в горячий песок.

Но во всем этом нагроможденье
силуэт твой знакомый не вижу.
Без него все — и море и небо —
лишь детали без смысла и сути.

Без него мир — большая пустыня,
оболочка бездушная только...
И огромными чайками кружат
облака дождевые над морем.

Ты, я знаю, сюда не вернешься.
А другая придет и заглянет
в это яркое зеркало.
Только
мне оно уж не принадлежит...

Перевел с грузинского
Владимир ШЛЕНСКИЙ.

Александр ПАВЛОВ,
Магнитогорск

Памяти Бориса Ручьева

Упали ветры с леденелых крыш...
И только звоны, заводские звоны
над всем Уралом вспарывают тишь
протяжно, тяжело, неутоленно.

А хмурым утром зябкие сады,
немые, без единого листочка,
как в перекрестье грянувшей беды,
глядят сквозь дым в одну и ту же точку.

Чудес на свете может и не быть...
Но где тогда на свете справедливость,
чтоб так вот, в землю, запросто зарыть
и разделить все то, что не делилось?

Чтоб так вот, сразу, сердце закопать,
совсем недавно бывшее сердце?..
Ему бы нынче над Уралом встать
и на клюку привычно опереться.

Он послужил бы миру и добру.
Уж он бы смог! Но нет чудес на свете.
Не рассказать недвижному перу
того, что смертью пущено на ветер.

Но в песнях ветра, с ясной синевой,
рожденная в огнях Магнитогорска,
летит над миром мощным отголоском
высокая поэзия его!

Александр РУДЕНКО,
Москва

Обед. Работу побросали.
Сидим на холодке вдвоем.
Солдат с раскосыми глазами
Поет на языке своем.

Слова задумчиво-тягучи,
В них столько спрятано тоски...
И я пойму вдруг, как зыбуче
Шуршат барханные пески.

Как солнце бродит над аулом
До ночи в поисках луны,
И как, наполненные гулом,
К реке выходят табуны.

И я тихонько подпеваю,
Далеко песней занесен.
Ни слова я не понимаю,
Но сердцем понимаю все.

И мы поем. И русским ветром
Уносит наши голоса.
Вокруг на сотни километров
Стоят сосновые леса.

Андрей ЧЕРНОВ,
Москва

Колокольчик с Бонапартом

Вот столбик с куклой (правда, медной),
Скрестившей руки на груди,
Такой величественно бедный,
Что, право, хоть и не гляди.
При шпиге, сюртуке и ленте
(Работа мастера тонка)
Стоит себе на постаменте
Литая ручка от звонка.
Как будто бы совсем не зная,
Что стерся взгляд и даже нос.
Что под ногами — дар Валдая,
А не монмартровский откос.
Что можно взять за треуголку
И язычком о купол бить.
Трясти без умолку, без толку.
Умели ж предки не любить...
Необходимо у капрала
Отнять Вселенную. Потом
Необходимо из металла
Соорудить его шутом:
«Пусть Ванька позовет Глафиру,
Пусть громче позвонит, злодей!..»
И венценосный царь царей
Гремит на целую квартиру.

Амон РАДЖАБОВ,
пос. Яван

О небе

Много раз улетали от нашей Земли
К дальним звездам космические корабли,
Чтоб смогли астронавты, паря, как орлы,
Развязать самых древних загадок узлы.

Кто-то скажет:
«Как много трудов и затрат!
Что влечет в поднебесье отважных сердца?!»
— Чтоб Земля наша стала прекрасней стократ,
Надо небо над ней разгадать до конца!

Тень

Спешит за человеком тень,
И в миг
Мы двух влюбленных представляем зримо.
Но как-то раз сказал один шутник,
Что тень — прообраз первый подхалима.

Окружат человека мгла иль тьма,
Она предатель: без раздумья бросит...
Тень, ты какая? Рассуди сама.
Да только у тебя никто не спросит.

Я думал над призванием твоим:
Ты — знак того, что я небестелесен,
Ты — знак того, что солнцем я любим,
И мне другой ответ неинтересен!

Да, я живу! От солнца в добрый час
Добро мне льется в сердце и отрада.
Ты, тень, со мною вместе родилась
И сравнивать тебя ни с чем не надо.

Лишь попрошу:
Большой не становись,
Когда светило ближних гор коснется —
Да, я из тех, кто очень любит жизнь,
Другим не загораживая солнца!

Перевел с узбекского
Олег ДМИТРИЕВ.

НАША ЗАДАЧА — СОДЕРЖАНИЕ. ЛИЦО, ДУША ЧЕЛОВЕКА, ДРАМА ЖИЗНИ, ВПЕЧАТЛЕНИЯ ПРИРОДЫ. ЕЕ ЖИЗНЬ И СМЫСЛ. ДУХ ИСТОРИИ — ВОТ НАШИ ТЕМЫ... КРАСКИ У НАС — ОРУДИЕ. ОНИ ДОЛЖНЫ ВЫРАЖАТЬ НАШИ МЫСЛИ. КОЛОРИТ НАШ — НЕ ИЗЯЩНЫЕ ПЯТНА. ОН ДОЛЖЕН ВЫРАЖАТЬ НАМ НАСТРОЕНИЕ КАРТИНЫ, ЕЕ ДУШУ. ОН ДОЛЖЕН РАСПОЛОЖИТЬ И ЗАХВАТИТЬ ВСЕГО ЗРИТЕЛЯ. КАК АККОРД В МУЗЫКЕ.

И. Е. РЕПИН

Л. КИРИЛЛОВА. НА ПРОПОЛКЕ.

Ольга ВОРОНОВА

ЗВЕЗДАМИ ОБРЫЗГАННЫЙ ЛУГ

Молодой художник пишет открывающийся ему пейзаж: суровые северные сопки с шапками вечных снегов, тесным кольцом обступающие новый поселок. Художник взволнован, счастлив; видно, что он захвачен Севером, увлечен творчеством.

Юная строительница, оторвавшись на минуту от работы, задумалась, сжимая в руке зеленую весеннюю веточку. Ей хорошо, ей радостно, ибо всем многообразием своих мыслей и чувств она органично связана с окружающим миром.

«В Заполярье. Творчество» ленинградца Г. Фадына и «Бело-голубой день» уфимца Я. Крыжевского были экспонированы на Всесоюзной выставке произведений молодых художников «Молодость страны». Казалось бы, старые, как мир, сюжеты: живописи

А. УСЕНКО. У ДАЛЬНИХ БЕРЕГОВ. ОСТРОВ ШИКОТАН.

сец на этюдах, девушка, подставляющая лицо солнечным лучам. И все же сюжеты этих картин не воспринимались как устаревшие. И не потому, что девушка сидела на железобетонных балках, а художник писал новостройки и скользящую к ним асфальтовую ленту. Новизну несло в себе настроение полотен, их интонационный и эмоциональный строй.

Искусство обладает удивительным свойством: обновляясь вместе с жизнью, оно всегда находится в движении. Особенно заметно это на молодежных выставках. Мы помним публицистическую требовательность художников начала шестидесятых годов, лиризм и романтику тех, кто пришел им на смену в конце десятилетия, — в те годы молодежь увлекалась историей, стремилась поэтизировать жизнь, говорить обо всем приподнято, возвышенно. Затем художники как бы решили «остановиться, оглядеться»,

заново изучить окружающий их мир — пристально, внимательно всматривались в людей, в предметы, писали сдержанно, чуть суховато, но так, что можно было ощутить «вес, вкус и аромат» каждой воссозданной ими вещи. Сейчас заговорило новое, самое молодое поколение, заговорило негромко, но уверенно.

Новое не создается в одночасье — в мастерских молодых художников уже давно зрело настроение душевной открытости, доверия к жизни. Два года назад в Уфе я впервые встретила одну из работ Крыжевского: юноша и девушка, взявшись за руки, шли по косогору, уверенные в своем праве на счастье. И почти одновременно увидела в Архангельске «Ромашки» Б. Копылова: по расцветшему, словно звездами обрызганному лугу, под плавающим летним солнцем бежали ликующие девочка и мальчик. В разных городах, в разных областях появлялись картины, в которых явно ощущалась общность восприятия действительности. И это позволяет говорить о творческом своеобразии сегодняшней молодежи. Задумаемся: в чем характерность ее искусства, в чем его особенности?

Молодые мастера стремятся ко все более глубокому и истинному пости-

А. РУБИН. ЗЕМЛЯ ТЮМЕНСКАЯ.

Р. БАРАНОВ. С ВЫСОТЫ ПОРТОВОГО КРАНА.

О. БУЛГАКОВА. ТЕАТР. АРТИСТКА МАРИНА НЕЁЛОВА.

НЕТ БОЛЬШОГО ИСКУССТВА БЕЗ УБЕЖДЕННОСТИ ХУДОЖНИКА. ТОЛЬКО ТО, В ЧЕМ ХУДОЖНИК ГЛУБОКО УБЕЖДЕН И В ЧЕМ ОН ХОЧЕТ НЕПРЕРЕННО УБЕДИТЬ ВСЕХ, ДОСТОЙНО БЫТЬ ПОЛОЖЕННЫМ В ОСНОВУ ЕГО ТВОРЧЕСКОЙ РАБОТЫ. СИЛА ЛУЧШИХ СОЗДАНИЙ НАШЕГО ИСКУССТВА ИМЕННО В ЭТОМ НЕОДОЛИМОМ СТРЕМЛЕНИИ ХУДОЖНИКОВ ЯСНО ПЕРЕДАТЬ ВАМ МЫСЛИ, В ВЕРНОСТИ КОТОРЫХ ОНИ ПРЕДЕЛЬНО УБЕЖДЕНЫ...

В. И. ПУДОВКИН

из собственных мгновений бытия

Алексей БАТАЛОВ, народный артист СССР, секретарь правления Союза кинематографистов СССР, лауреат Государственной премии СССР, лауреат премии Ленинского комсомола

Это человек, который живет на виду у всех, на сцене или на экране, человек, заставляющий других людей плакать или смеяться, испытывать радость или печаль, гнев или сострадание. Человек этот — актер.

Как стать актером? Может быть, для этого достаточно овладеть некоей суммой технических приемов, которым обучают в театральных вузах? Нет. Одной техники здесь слишком мало. Потому что актер — это человек, который видит и ощущает мир одновременно и конкретно и образно и обладает способностью превращать реальные впечатления в материал творчества.

В моем представлении пьеса или сценарий в сравнении со спектаклем или фильмом — это до поры до времени пустой город, ожидающий возвращения своих жителей. И именно актеры населяют эти города, дарят им особенный облик, колорит, дыхание жизни.

Исполнители обязательно привносят в любое драматургическое произведение свое ощущение времени, а это означает, что каждый поступок своего персонажа, каждое его душевное движение артист должен подкрепить мотивировками и ассоциациями, которые поймет и в которые поверит зрительный зал. Если же представления актера о мире запаздывают во времени, если в своих чувствах и ощущениях он отстанет от тех, для кого творит, он обречен. Его никто не услышит...

С чего же начинается, собственно, актерское образование? Со школьных вечеров, с чтения стихов на уроках литературы... Я начинал в годы войны. И до сих пор помню свои первые выступления в госпиталях, когда мне было 14—15 лет. Это были настоящие, очень серьезные встречи со зрителем, они дарили нам какое-то возвышающее ощущение взрослости. Раненые относились к нам с величайшим вниманием, как к людям, которые могут и должны принести им радость. И мы это понимали... Это не было обычной

«самодеятельностью» перед родителями у новогодней елки. Концерты в госпиталях были необходимою для нас, потому что таким образом мы осуществляли свое желание помочь стране, помочь солдатам, и не каким-то вообще, а именно этим, живым, родным и страдающим...

Разумеется, опыт тех, кто сегодня поступает в театральный институт, отличен от нашего. Но этот опыт есть, и мы, педагоги, относимся к нему с величайшим уважением и интересом. Многие студенты Всесоюзного государственного института кинематографии, где я преподаю на III актерском курсе, несмотря на свою молодость, успели уже и поработать на производстве и отслужить в армии. И даже у тех, у кого за плечами только десятилетка, тоже есть какой-то жизненный и социальный опыт, обретенный и в соприкосновении с реальной жизнью и с ее отражением в литературе и в искусстве. И чем значительнее этот опыт, чем большей чуткостью обладает молодой человек к проблемам, которые волнуют большинство людей, тем острее в нем чувство современности, без которого, по моему мнению, не может быть актера.

Естественно, что сегодня в своей педагогической практике я использую многое из того, что сам получил от своих учителей. Я заканчивал Школу-студию МХАТа. У нас были очень хорошие педагоги, каждый предмет был интересен и преподавался так, что многое я помню до сегодняшнего дня. Но главное все же было в том, что мы постоянно общались с прекрасными мхатовскими актерами, которые с каким-то родственным вниманием и заботой относились к нам. И можно было поздороваться и поговорить с Тархановым, с Москвиным, с Книппер-Чеховой, Качаловым, Добронравовым, Хмелевым, Станицыным. И, разумеется, их отношение к делу, их знание театра, их помощь — профессиональная и человеческая — все это оказывало огромное влияние на мои представления об актерской профессии. В силу всех этих причин

в меня глубоко «ввинчена» мхатовская школа... Мне не раз приходилось сталкиваться в людьми, которые никогда не учились и не работали во МХАТе, но тем не менее в их искусстве были явственно ощутимы важные составляющие этой школы. Потому что, наверное, нет такого русского актера, которого хоть боком не коснулось бы, если можно так выразиться, «учение» Художественного театра.

Естественно, что и своих учеников я «склоняю» именно в эту сторону. Я не читаю лекций, я стараюсь помочь практическими советами в тех местах, где трудно актеру. Делаешь это исподволь, потихонечку, изо дня в день... Вот, например, не справляется студент с монологом. Я помогаю понять логику развития действия, логику поступков персонажа, найти внутренние, порой невидимые с первого взгляда связи, ассоциации, пробуждающие фантазию актера, и незаметно, чтобы не подавить в нем его собственное «я», стараюсь укрепить под его ногами дорогу...

Мне кажется, нет принципиальной разницы между работой режиссера в профессиональном и в учебном театре. Различие только в уровне подготовленности исполнителей. А это приводит к тому, что процесс постановки спектакля в учебном театре протекает раз в десять медленнее, чем на профессиональной сцене...

Когда вы начинаете репетировать тот или иной эпизод, то вам волей-неволей приходится отступать все дальше и дальше... Я подразумеваю под этим то, что актер и режиссер должны погружаться в собственную жизнь, извлекая из собственных мгновений бытия реальные ощущения, впечатления, которые, соединившись с предлагаемыми в данной сцене обстоятельствами, вдруг волшебным образом вдохнут в нее подлинную жизнь.

В прошлом году, например, мы делали отрывок посвященный временам войны. Нужно было сыграть встречу солдат на вокзале. А для этого необходимо

было «добыть» из студентов всё, что они знают о войне, все, что они способны почувствовать и вспомнить в связи с этим.

Здесь важно и необходимо все: и чудом сохранившееся письмо отца с фронта, и его рисунок Деда Мороза, сделанный в землянке, и чье-то воспоминание о том, как пили чай «вприглядку», и рассказ о лошади, которая умирала от голода на городской площади, и кадры кинохроники тех лет, и тема из симфонии Шостаковича, и все произведения искусства, в которых отразились годы войны — трагические и величественные.

пробудило фантазию автора, послужило творческим импульсом. Главное здесь — воссоздать в нашем воображении тот момент живого соприкосновения с реальностью, который побудил драматурга написать именно эти слова...

К слову сказать, позже возник целый цикл, разумеется, незапланированных бесед о том, как игралась эта комедия в разные времена, о том, каковы особенности французского театра вообще и, например, современной группы Луи Барро в частности.

Все это относится к предварительной части работы. А затем я стараюсь помочь моим студентам отыскать

крыть способ производства золота, в вас самих должно жить страстное желание что-то открыть... Что именно — не имеет для меня, режиссера, значения. Важно желание, чувство, которое и предопределяет всю цепочку ваших поступков. Тогда и возникнут истина страстей и правдоподобие чувств, определяющие подлинность и ценность того или иного произведения искусства.

И здесь я должен сказать о самой трудной, самой важной и, вероятно, менее всего объяснимой части актерского учения. Потому что здесь начинается разговор о личности человека-артиста...

ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА ВАЛЕНТИНА ТЕЛИЧКИНА, НИКОЛАЙ БУРЛЯЕВ, ИННА ЧУРИКОВА.

Без ощущения всего этого, на одних только голосовых фиоритурах и приемах внешней техники нельзя сыграть такой эпизод.

Еще один пример. Репетируем мы спектакль «Мещанин во дворянстве». Казалось бы, все здесь известно, и чем смешнее сыграть, тем оно и лучше будет.

На самом деле все, к счастью, обстоит совсем не так. Потому что в искусстве не может быть абсолютного знания. И всякий раз приходится начинать с самого начала...

Я должен дать студентам максимально конкретное представление о времени Мольера, должен объяснить им, в каких исторических условиях было создано это произведение, что именно в жизни общества

в чудесной копилке собственного жизненного опыта образы реальных людей — ближайших «родственников» мольеровских персонажей. Далее предстоит соединить все это с тем, что мы узнали раньше. Чтобы молодой человек, исполнитель той или иной роли, не со стороны оценивал своего героя, а изнутри, отыскивая логические и эмоциональные «ходы» не для кого-то другого, а для себя самого, очутившегося в этих определенных драматургом обстоятельствах.

Актер, играющий сегодня «Мещанина во дворянстве», должен очень точно определить цели, ради достижения которых человек из кожи лезет вон, чтобы усесться в чужие сани... И он не может просто повторить то, что было сделано до него. Потому что цели эти видоизменяются с течением времени. Но стремление перескочить в другой круг остается неизменным. Это глупо и смешно, забавно и трагично... И вот именно эти внутренние мотивы актер должен донести до сердца и до сознания зрителя.

Если вы играете человека, который жаждет от-

Мне кажется, сейчас наступило время, когда в искусстве особое значение приобретает личность творца — будь то в театре, в кино, в живописи или в музыке. Я имею в виду именно личность, а не индивидуальность, под которой нередко понимают манеру, стиль, то есть сумму каких-то сугубо профессиональных качеств. Я говорю о личности, значительность которой обусловлена богатством ее нравственных, духовных связей с обществом...

Мне хочется назвать в связи с этим имена таких молодых и близких зрителю деятелей нашего искусства, как Инна Чурикова, Валентина Теличкина, Николай Бурляев, удостоенных в прошлом году звания лауреатов премии Ленинского комсомола.

Пользуясь случаем, замечу: прекрасно, что существует премия, поощряющая непосредственно молодых. Ведь нередко именно талантом молодых создаются произведения, которые становятся достоянием всего нашего искусства...

Так вот, все три лауреата премии Ленинского

комсомола — это яркие, глубокие личности, аккумулирующие в себе самые насыщенные, самые значительные тенденции духовной жизни общества и в то же время оказывающие большое влияние на развитие наших представлений о высших нравственных ценностях.

Когда я вижу на экране или в театре Чурикову, я ощущаю ее удивительную восприимчивость к человеческому горю, ее внутреннюю прекрасную сущность терпеливой и деятельной женщины, умеющей одним своим прикосновением одухотворить окружающий мир.

ра — это часть общего процесса формирования личности молодого человека...

Вероятно, можно научиться собирать те или иные машины, не очень представляя себе, как живут люди. Но изображать людей, людские страсти, горести, потрясения невозможно, если ты не знаешь, не понимаешь людей, если не способен проникнуть в суть их переживаний...

Сегодня завидно много внимания уделяется молодежи. Я думаю, что нынешние молодые находятся в значительно более выгодных условиях, нежели мы в свое время. Но вместе с тем, как мне кажется, и ныне

вузы и не нужны. Потому что современный актер должен уметь совершенно безболезненно переходить из съемочного павильона на сцену, а со сцены — в телестудию. Он должен быстро преодолевать технические трудности и всегда и везде, на любой сценической площадке, в любой драматургической форме по-настоящему жить в этих самых «предлагаемых обстоятельствах».

Поэтому сегодня и те, кто учится, и те, кто учит, находятся в принципе в одинаковом положении, в положении учеников. Ведь то, что сейчас требуется актеру, — это или совершенно новое, то, чего мы

Очень изобретательна и точна в каждой роли Валентина Теличкина. В ней ощутимо чуть ироничное отношение к своим героиням, юмор, умение вскрыть в характере главное противоречие, которое и определяет его развитие...

Мне труднее говорить о Николае Бурляеве, потому что в моем фильме «Игрок» он играл главную роль и вроде бы, до некоторой степени, это «мой» человек. Хотя так могут сказать и другие режиссеры, которые работали с этим артистом...

Несмотря на то, что Бурляев еще очень молод, у него богатейшая актерская биография, в которой очень много настоящих удач. Всякий миг его сценического или экранного бытия всегда тщательно, до деталей продуман и реализован с полной затратой душевных сил.

Словом, по моему глубокому убеждению, невозможно рассматривать чисто профессиональные достоинства актера в отрыве от свойств его личности. И, следовательно, процесс формирования акте-

артист должен сам пробивать себе дорогу. Разумеется, не в смысле обивания порогов того или иного театра. Пробить свою дорогу — значит обрести свой голос в общем море театральной жизни.

Я работаю в искусстве двадцать пять лет. И за это время поле деятельности драматического актера невероятно расширилось и усложнилось. Сегодня вряд ли кто-нибудь станет разделять актеров на театральные и кинематографические. А ведь совсем недавно такое разделение существовало. За эти годы возникло и совершенно новое понятие — телевизионный театр. Я не берусь определять, что это такое — телевизионный актер, телевизионная манера драматической игры. Но и без такого рода определений миллионы телезрителей великолепно знают, кто из актеров лучше «вписывается» в телеэкран, а кто хуже, кто из них чувствует его неуловимую специфику, а кто нет.

У нас нет учебных заведений, которые специально готовили бы актеров для телевидения. Думаю, такие

КИНОРЕЖИССЕР СЕРГЕЙ СОЛОВЬЕВ, УДОСТОВЕРЕННЫЙ ЗВАНИЯ ЛАУРЕАТА ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА ЗА СОЗДАНИЕ ФИЛЬМА «СТО ДНЕЙ ПОСЛЕ ДЕТСТВА».

десять — пятнадцать лет назад не знали, или значительно видоизмененное старое. Следовательно, тех знаний, которые мы получили когда-то, уже недостаточно. Реальный ход жизни требует от нас постоянно проникновения в ее новое содержание. А новое содержание побуждает, ни в коем случае не отказываясь от завоеваний прошлого, отыскивать для этого нового единственную и неповторимую форму выражения.

Может быть, именно потому я и сам больше всего боюсь утратить это чувство «вечного ученичества», ощущение изменчивости мира. Потому что без этого невозможно двигаться дальше в нашей, не дающей ни секунды покоя профессии драматического актера.

очевиден, однако я ни разу не сказал даже слово «пристойно». «Отвратительно, неинтересно, неинтеллигентно...» Если бы я тогда их похвалил, они бы пусть чуть-чуть, но успокоились бы. А это резко снизило бы скорость их возвращения к самим себе.

Мы вернулись ко мне в студию и снова стали работать над каждой нотой. Постепенно они стали подниматься. Но я продолжал их ругать. Так как я пользуюсь у них некоторым авторитетом, то у них появилось ощущение полного ужаса, чего я и добивался. На следующую репетицию они уже не хотели ехать. Но я привез их почти силой, и они спели довольно неплохо. Тогда я сказал: «По-моему, ничего». Они не поверили своим ушам. Потом я сказал: «Хорошо». И увидел в их глазах оживающую уверенность в себе. Тогда я перестал стесняться и намеренно перебрал в похвалах. Это

тацию. Поскольку они уже один раз показали на телевидении, а затем вроде бы начали «шлепаться». А это запоминается: «Кто? Ах, эти... Да, мы слышали их и решили отложить».

Надолго ли? Бывает, что навсегда. К счастью, я не ошибся в своих предположениях. «Ужас», в который я поверг своих подопечных, довольно быстро убил все фальшивое и вычурное, и вскоре явственно зазвучала их собственная интонация, сдержанная и взволнованная, когда чувство контролируется мыслью, а мысль одухотворяется чувством... И на последней трастовой репетиции я видел, как замирали люди вокруг, когда Галя и Сергей после большого оркестра тихо начинали петь под собственный аккомпанемент...

В той передаче, в которой они участвовали, победителей определяли зрители, приглашенные в студию. И

опасностей, которые нередко подстерегают молодых исполнителей. Ведь что порой происходит?

Появляется молодой исполнитель. Допустим, действительно одаренный, музыкальный и умный. Добивается успеха на каком-нибудь конкурсе и сразу становится популярным. Его приглашают на радио и на телевидение, он выступает в бесчисленных концертах, снимается в кино. Иными словами, только и делает, что отдает накопленное. А его артистическая жизнь лишь начинается, накоплено пока совсем немного, всего на две-три песни, принесшие ему известность.

А потом наступает перенасыщение зрительской аудитории информацией об этом исполнителе. Эмоциональной информацией. Зритель больше не хочет его слышать.

У нас часто считают, что вопрос дозировки выступлений того или иного певца — это факт его биографии и

слышу «Песни старых комсомольцев» в их исполнении, мне порой кажется, что я написал этот цикл специально для Гали и Сергея.

Каждому возрасту свойственно свое ощущение времени. Детство живет бесконечным настоящим. Юность — предчувствием будущего. А затем ты вдруг с какой-то особой остротой начинаешь ощущать, что настоящее ежесекундно превращается в прошедшее, начинаешь ощущать скорость ускользающих от тебя «частичек бытия...». И тогда рождается, может быть, самое человеческое желание — вернуть образы прошлого, не дать им исчезнуть окончательно, соединить их с настоящим в единой мелодии, в единой гармонии...

Когда Галя и Сергей поют «Песни старых комсомольцев», я чувствую, как происходит это чудесное соединение. Потому что в них есть энергия, необходимая для творческого синтеза,

СКАЗВАШЬ!

Микаэл ТАРИВЕРДИЕВ

вселило в них счастье и, если можно так выразиться, полезное нахальство. С этим они и вышли в очередной раз на сцену. И были там совершенно свободными... Разумеется, на какое-то время.

Это, конечно, был очень опасный эксперимент. Потому что в такой ситуации можно навсегда вбить в человека комплекс неполноценности. Но с Галей и Сергеем — я был уверен в этом — я мог пойти на такой риск. Потому что на основании всего нашего предыдущего общения мог в какой-то мере предвидеть их реакцию. И я знал, что мое «психологическое давление» должно в ответ вызвать в них очень сильное желание доказать, что они могут выполнить все мои требования.

Поэтому я мог рассчитывать, что Галя и Сергей сумеют «возвратиться к себе» прежде, чем мой жестокий педагогический прием окажет и свое отрицательное действие.

А вернуть себе форму они должны были в самый кратчайший срок, чтобы спасти свою пошатнувшуюся репу-

они поставили дуэт Беседина — Тараненко на первое место...

— Мне нравится, что вы больны не мной, — начинает мужской голос.

— Мне нравится, что я больна не вами, — отвечает женский.

Почти одинаковые слова. Но в них просвечивают разные человеческие души... Для каждого из исполнителей в этих словах — некое завершение многожественности прошедших времен, которые, пройдя сквозь сердце человека, сделали его таким, каков он есть.

— Спасибо вам, и сердцем и рукой За то, что вы меня, не зная сами, так любите...

Двое говорят о любви. Но не о той, какой Ромео любит Джульетту. Здесь речь о другом — о той любви, которая должна пронизывать отношение человека к человеку вообще, о любви, рождающей в людях душевную пронизываемость и объединяющей их в общее понятие «человек».

Я работаю сейчас с Галей и Сергеем над концертной программой из моих вещей и постараюсь уберечь их от тех

только. Его приглашают, а он волен принять приглашение или отказаться. Дело, как говорится, личное. Но молодому человеку трудно отказаться от соблазна. Он не понимает, что такая повседневная интенсивная отдача для него губительна, и не предполагает, что через какое-то время те же самые люди, которые приглашали его вчера, завтра скажут: «Но это же одно и то же. Он уже всем надоел!»

К сожалению, мы знаем слишком много примеров, когда юные исполнители легко взлетали и так же легко падали. Поэтому я так тщательно слежу за работой, за выступлениями Гали и Сергея.

Недавно я написал цикл вокальных произведений на стихи Михаила Светлова «Песни старых комсомольцев». Я посвятил цикл памяти матери... Она была старой комсомолкой, коммунисткой... И то, о чем говорится в строках Светлова, — это была ее жизнь. Сейчас Галя и Сергей готовят эти песни. Я никогда не пишу специально для того или иного певца. Но сейчас, когда

— **ВЫ ДОЛЖНЫ ПОЛЮБИТЬ КАЖДУЮ НОТУ...**

энергия, обнаруживающая себя в том восторге и изумлении, которые вызывает у них красота мира.

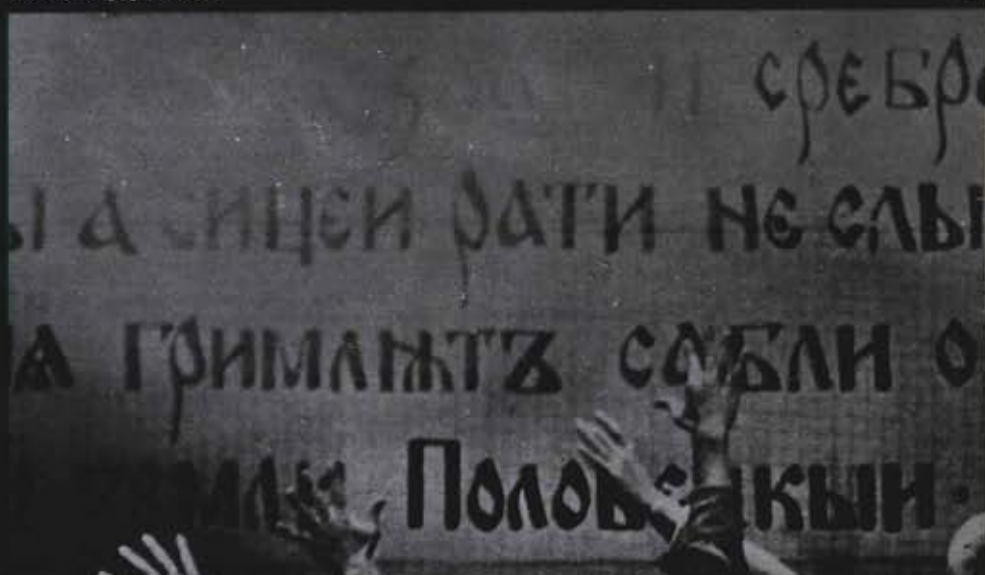
Я вспоминаю строки одного из крупнейших современных японских поэтов, Дзюна Таками:

*В саду еще не растаял снег,
а на ветвях полусозошедшей сливы
набухли почки.
Стойкая слива
сейчас, еще зимой,
хочет явить красоту, которую
молчаливо копила
в суровом, замёрзшем мире.*

О, этот страстный дух красоты! Мне кажется, что «страстный дух красоты» — это другое, быть может, более точное обозначение того, что я назвал восторгом и изумлением перед красотой мира, восторгом, скрывающимся в себе, как возможность и необходимость, жаждущие прорасти зерна творчества.

Анна ИЛУПИНА

«ГОРЯНКА». СЦЕНА ИЗ СПЕКТАКЛЯ.

Вот уже почти десять лет как на сцене Большого театра была поставлена «Асель», балет, рассказывающий о наших современниках, героях повести Чингиза Айтматова «Топлек мой в красной косынке». Поставил балет тогда еще совсем молодой балетмейстер Олег Виноградов.

Хореография «Асели» выросла из классики. Но на традиционном фундаменте возведено современное здание танца, ясного и четкого по линиям, сложного по чувствам и настроениям. Известный хореограф профессор Лопухов говорил, что если балетмейстер за всю свою жизнь придумает 5—6 новых движений, то это надо считать большой удачей. В «Асели» же таких новообразованных движений двадцать семь!

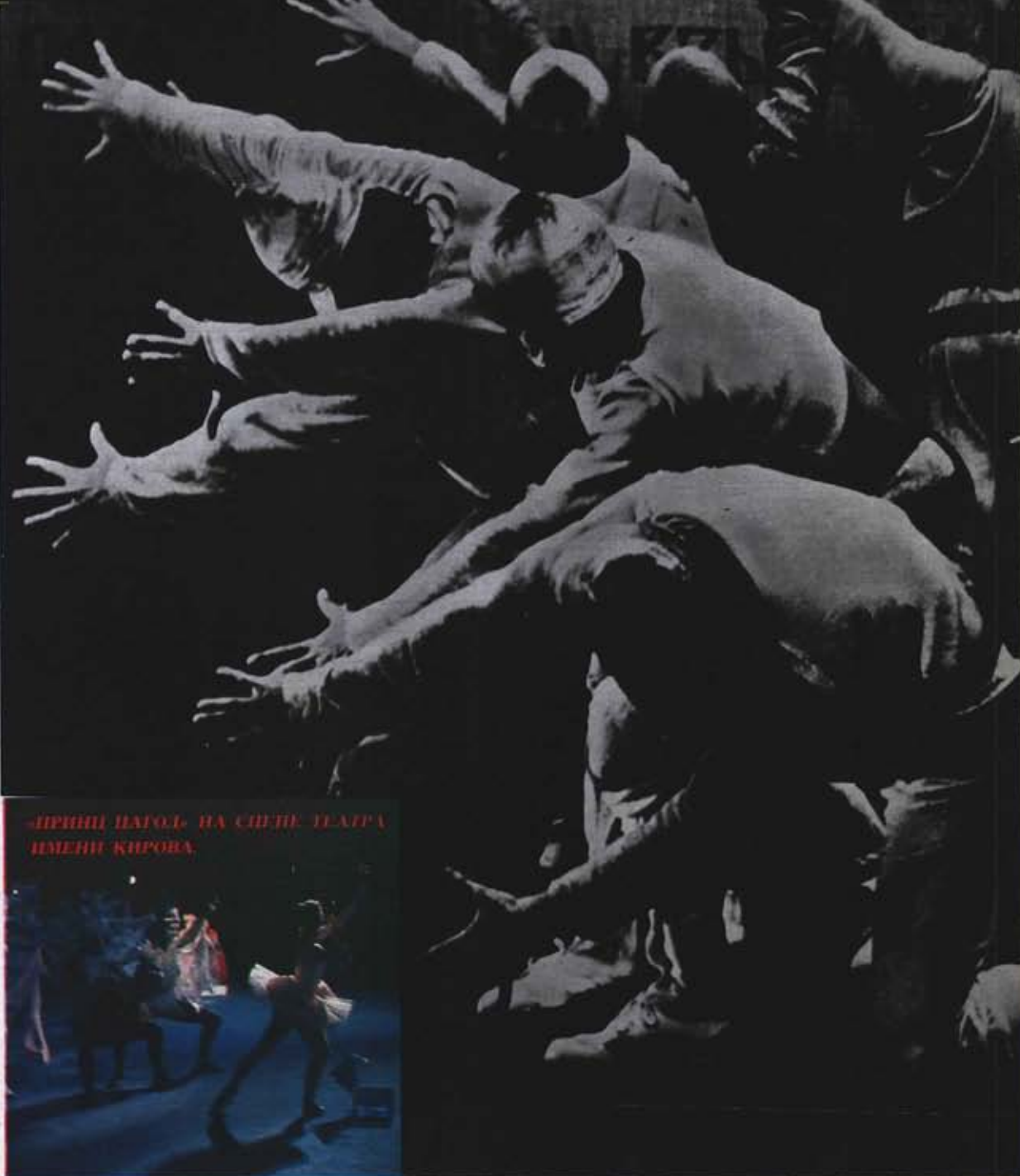
Прошло не так много времени, и внимание постановщика привлекли «старые», неувядаемые балеты — «Тщетная предосторожность» Герольда и «Коппелия» Делиба.

— Но это не значит, что я изменил современной теме, — говорит балетмейстер. — Напротив, именно потому, что меня очень интересует проблема отражения современности в балете, я и обратился к «Тщетной предосторожности». Ведь это был первый современный балет в истории хореографии! И он оказался классическим: выдержал испытание столетиями и по сей день украшает репертуар лучших театров.

Олег Виноградов сказал это после триумфального успеха премьеры «Тщетной предосторожности» в Ленинградском Малом академическом театре оперы и балета. Тогда, в декабре 1971 года, автор новой версии старого балета был балетмейстером в Театре имени Кирова. Теперь он главный балетмейстер Ленинградского Малого театра оперы и балета. В данном качестве он тоже дебютировал классикой: новая постановка «Коппелии» имела не меньший, если не больший, успех, чем «Тщетная». Оба сочинения, верные стилистике далекого прошлого, были совершенно самостоятельны. Оба спектакля, сохранив (и даже умножив) обаяние комедийности, ничего не утратили в своей танцевальности. Напротив, классика стала богаче, сочнее, разнообразней. И современной по динамизму, по ритму действия.

Помимо объяснения балетмейстера, приведенного выше, есть и чисто производственные обстоятельства, по которым Виноградов обратился к классике.

Придя в Малый театр оперы и балета, он начал «руководящую деятельность» не с переноса на «свою» сцену ранее созданных спектаклей, а с прозы балетной жизни: каждое утро он приходил на ежедневный урок артистов в классах. Видел, у кого какие данные, кто хочет и умеет работать, а кто уверен, что «и так сойдет». Выводы, сделанные для себя Виноградовым, определили ближайшие планы: поднять профессионализм труппы могла только классика. Так возникла необходимость постановки «Тщетной», «Коппелии» и «Жизели».

«ПРИНЦ ШАХОЛЬ» НА СЦЕНЕ ТЕАТРА ИМЕНИ КИРОВА.

ИЛИ ДВИЖЕНИЕМ

А НИ МАЛО ТОГО ПОТРЕБАТИ... ШАННО!

БАЛЕТ «ЯРОСЛАВНА»

СЪ ЗАРАНИА ДО ВЕЧЕРА СЪ ВЕЧЕРА ДО СЪ

ВЪ СЪ ОМЫ ДЕЩАКЪ ДПІА ХАР ДУЖНЫІА ВЪ П

УЗ ДО СЪ ПІА ПІІЗ КОПІА КОСТЫ БЫІА

Михаил КАЗОВСКИЙ

Подпись «Мих. Казовский» я впервые увидел на страницах «Крокодила». Внимание мое привлекла, естественно, не подпись, как таковая, а очень точная, меткая и остроумная пародия на одну популярную телевизионную передачу. Ее автором и был неведомый мне Мих. Казовский.

Я спросил у крокодильцев, кто это такой. Мне ответили: «Это Миша Казовский, студент, он у нас стал впервые печататься. Подающий надежды парнишка!»

Когда я познакомился с «подающим надежды парнишкой» и убедился, что сочетание имени «Миша» и фамилии «Казовский» больше подходит к его юношескому облику, чем суроватое Мих. Казовский, я узнал, что первый свой фельетон Миша напечатал не в «Крокодиле», а в «Пионерской правде», когда был еще школьником.

Сейчас Мих. Казовский, успевший за это время окончить журналистский факультет МГУ, работник «Крокодила», один из создателей и редакторов «Сатирубуса» — этого журнала в журнале, творческого рупора молодых сатириков и юмористов, дочернего предприятия «Крокодила».

На личном авторском счету Мих. Казовского рассказы, пародии, фельетоны и сатирические репортажи. Я слежу за его творческим ростом, и меня по-прежнему радует точное остроумие его изощренных миниатюр. Конечно, чтобы стать зрелым мужем сатиры, подлинным ювеналовым биченосцем, Мих. Казовскому надо еще расти и расти, с большей, чем сейчас, чуткостью вслушиваясь в голоса большой жизни страны. Но я в него верю. Если «подающий надежды парнишка» — Миша Казовский за короткое время превратился в литератора Мих. Казовского, он в недалеком будущем может стать и сатирическим писателем Михаилом Казовским. Я желаю ему ускорить движение к этой вехе на его литературном пути.

Леонид ЛЕНЧ

Это фваццатъ селю на фвесту фваццатъ

Наутро после свадьбы мне позвонил Штуковский. — Дорогуша, — сказал он. — Еще раз поздравляю. Все было чудесно. Стол — прелесть, гости — весельчаки, невеста — Лоллобриджидя. Где ты ее откопал? По-белому завидую. Кстати, вот я чего беспокоюсь: как вам понравился мой подарок?

— Замечательный подарок, — ответил я. — Громадное спасибо. От меня и от Юли. Ты настоящий друг. Но, пожалуйста, извини, мы торопимся. Собираем чемодан в свадебное путешествие. Привет! — И повесил трубку.

Через секунду телефон снова затрещал. — Это Штуковский. Меня все-таки волнует, как он горит.

— Кто? — спросил я.
— Торшер.
— Какой торшер?
— Как это «какой»? Я же вам подарил торшер!
— Действительно. Но он еще никак не горит. У нас нет лишней лампочки. Салют! — И снова повесил трубку.

Штуковский сейчас же перезвонил. — Ты меня должен по-человечески понять, — сказал он. — Я дарю вам торшер, а у вас нет лампочки. О чем вы тогда думаете?

— Прости, обо всем, но только не о торшере.
— Вы меня огорчаете. Значит, подарок не понравился?

— Я же сказал: громадное спасибо!!! — И стукнул кулаком по рычагу телефона.

В тот же момент телефон опять задребезжал. — Вы не можете так просто уехать, — сказал Штуковский.

— Почему?
— У вас нет лампочки.
— И не надо!
— А как же торшер?
— А торшер не уезжает. Он решил остаться.

— У тебя глупые шутки. Короче, я сейчас приеду и привезу вам лампочку.

— Ты нас не застанешь! — крикнул я, но в трубке уже раздавались гудки.

Штуковский перехватил меня и Юлю на лестничной клетке.

— Стойте! — замахал он руками. — Подождите!

Он вихнул нас обратно в комнату, бросился к торшеру, ввернул в него лампочку и щелкнул выключателем. Лампочка ослепительно вспыхнула и погасла.

— Какое у вас напряжение? — спросил Штуковский.

— 220.
— А я купил лампочку на 127.
— Ну, тогда мы пошли, — сказал я.
— Да. Но перед этим я выверну лампочку из вашей люстры.

— Не смей трогать люстру! — заорал я, но он уже влез ботинками на скатерть.

Мы с Юлей стащили его со стола и связали проводом от торшера. Потом подхватили чемоданы и уехали на вокзал.

В Сочи поезд прибыл на второй день. В номере гостиницы нас поджидал Штуковский.

— Где вы пропадаете? — спросил он. — Уже сутки, как я прилетел. Сейчас начнем вместе собирать торшер...

Славный город Сочи был свидетелем, как из окна восьмого этажа гостиницы «Магнолия» вылетел мужчина средних лет и упал на асфальт. Потом поднялся, стряхнул с пиджака пыль и, крикнув: «А лампочка, лампочка-то у меня осталась!», — побежал к подъезду.

Рисунки Сергея ТЮНИНА

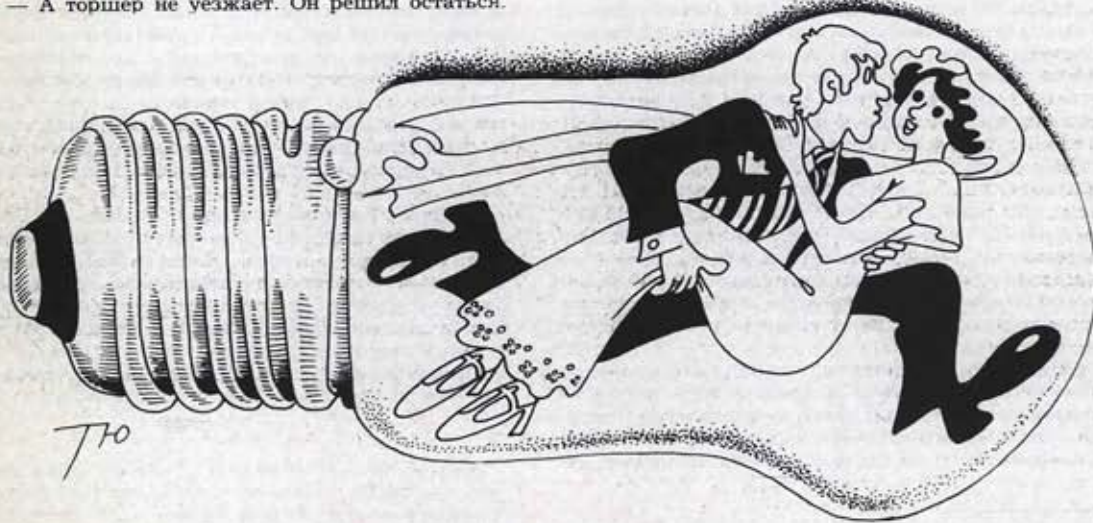
Мелюзга

— Алло! Кто говорит? Антипов? Вот ты-то мне и нужен. Почему у тебя на объекте посторонний шум? Работать невозможно!.. Что говоришь? Не шум это, а песня? Та-ак... Еще утро, понимаешь, а у тебя уже песни поют!.. Я тебя, Антипов, за моральное разложение коллектива прогрессивки лишу!.. Что говоришь? Студенты помогать приехали? Как, уже? Мы ведь их позже ждали... Не приготовили ничего... А? В палатках устроились? Романтики? Энтузиасты!.. Мать честная, этого только не хватало!.. И много их? Целый отряд? И все под гитару поют? Ах ты, господи!.. Слушай, Антипов, дай им работу. Пусть яму копают. «Какую, какую!» Большую яму, глубокую, чтоб на весь ихний срок хватило. После бульдозером засыпем... Ну, есть. Ну, давай. Хоп!

— Алло! Антипов? Ты, случаем, в детстве не уроненный? Я же тебе русским языком сказал: уйми этот молоток! У меня от песен уже голова лопается! Почему они яму не копают? Выкопали уже? Пусть глубже копают. Нельзя глубже? Уже целый котлован? Та-ак... Тогда, Антипов, пусть они в нем фундамент закладывают. «Какой, какой!» Основательный фундамент, прочный. Чтб подольше работали. После бетон в непроизводительные потери впишем... Ну, есть. Ну, давай. Хоп!

— Черт знает что, Антипов! Дадут мне твои сопляки сегодня работать или нет?! Что говоришь? Фундамент уже заложили? Ну, я не знаю, Антипов, делай с ними что хочешь! Но у меня в конторе должно быть тихо!.. А? Кирпич потребуется? Ладно, бери, после из твоей зарплаты вычтем... Ну, есть. Ну, давай. Хоп!

— Слушаю... Да, я... Ах, это ты, Антипов? Как там твои песняры? Что?.. Отделочные работы заканчивают? Какие отделочные работы? Какой Дворец культуры? Мы ж его только в сентябре должны закладывать! Нам же по плану на него полтора года отпущено!.. Слушай, Антипов, выходит, я рапортовать могу о досрочной сдаче? Выходит, нам премия теперь полагается?.. Антипов! Голубчик ты мой! Передовик замечательный! Ударник! Правифланговый! На Доску почета тебя повешу! В газете портрет напечатаю! Квартиру вне очереди предоставлю! Чего хочешь проси — сделаю!.. Студентам разрешить песню спеть?.. Ну, ладно уж, пусть исполняют. Только нетромко. Не люблю я лишнего шума в рабочее время, Антипов!

Тю

Андрей ЛЕВИН

Роман «Желтый дракон Цзяо» я начал читать, не имея ни малейшего представления об авторе, но зато хорошо зная то, чему посвящена книга. В свое время в Японии мне немало рассказывали о «триадах», да и исторической литературы читал я о них достаточно. Мне не доводилось бывать в Сингапуре, Таиланде, Гонконге. Но я был в Японии и Индии, а у этих краев много общего.

И меня поразили точность и достоверность описываемого, поразили присущий роману восточный колорит. Но дело не только в этом. Облик и поведение героев, их поступки, их мысли — все это показалось мне глубоко интересным.

Повесть или роман о зарубежной жизни — столь близкий мне жанр — требует глубокого, всестороннего знания истории страны, ее обычаев. Здесь не обойдешься без деталей, без мелочей, почерпнутых из личных наблюдений, но только, упаси бог, не поверхностных. Иначе вместо художественного произведения получится нечто бутафорское. И это даже в том случае, если автор отнюдь не бездарность.

Андрей Левин, безусловно, одаренный литератор. Доказательство тому — первое его художественное произведение. Написать сразу хороший роман, минуя повесть и рассказ, дано не каждому.

Признаться, я полагал, что Левин — умудренный жизнью, много повидавший и переживший, много узнавший, пожилой человек. Оказалось, что прав я во всем, кроме последнего. На Всесоюзном семинаре молодых литераторов, который недавно проводил наш совет по приключенческой и научно-фантастической литературе при правлении Союза писателей СССР, ко мне подошел молодой парень и представился: «Левин Андрей».

Андрей Левин окончил институт восточных языков и иными из них владеет в совершенстве. Обездрил Юго-Восточную Азию, бывал и в Сингапуре, и в Таиланде, и в Гонконге, а во Вьетнаме живет вот уже несколько лет — работает корреспондентом «Комсомольской правды».

Левин был в этой стране и в самые тяжелые для нее времена: войну он познал не по сводкам, не по газетным статьям, а встречался с ней лицом к лицу, не раз бывал под бомбежками. За проявленное мужество награжден медалью «За боевые заслуги».

И сейчас Андрей Левин в далеком и вместе с тем близком нам Вьетнаме, на своем журналистском посту. Во Вьетнаме свободном, бодро шагающем по светлomu пути социализма. И, быть может, мы прочтем вскоре новый роман Андрея Левина, посвященный на этот раз не желтым, уходящим в прошлое теням, а подлинно прекрасному единению трех сил: человека, земли и неба.

Александр КУЛЕШОВ,
первый заместитель председателя
Всесоюзного совета по научно-
фантастической и приключенческой
литературе Союза писателей СССР

ЖЕЛТЫЙ

ДРАКОН

ЦЗЯО

РОМАН

Такого поворота событий Ло никак не ожидал: у противоположного тротуара остановилась кургузая кремовая «хонда», Шан втолкнул в нее Джун, прыгнул вслед за ней на заднее сиденье, и машина резко свернула за угол.

Прокляная себя за то, что убедил Аланга не давать ему помощников, Патрик перебежал на другую сторону улицы перед самыми колесами отчаянно сигналивших машин. Как назло, кругом не было ни одного полицейского.

В двух метрах от Патрика затормозило такси. Инспектор бросился к нему, рванул на себя переднюю дверцу.

— Направо! Быстро!

Таксист подозрительно посмотрел на него.

— Полиция! — Ло вытащил из кармана удостоверение.

Взревел мотор, машина сделала крутой вираж и устремилась по Бенкулен-стрит. Вдали замаячила кремовая «хонда», но тут же снова скрылась за поворотом.

— Налево! — бросил Патрик и громко потребовал: — Быстрее! Быстрее!

Таксист, почти не сбавляя скорости, резко повернул руль. Ло нервыми движениями достал сигарету. Аланг был прав. Не стоило втягивать Джун в это дело. Сгоряча Патрик бросил на весы слишком много. Какое право он имел подвергать ее такому риску?! Он только обрел ее, и вот сейчас... Ло постарался отогнать от себя тяжелую мысль. Но как они догадались, что это игра?! Случайность? Или он действительно копнул так глубоко, что «Анг Сун Тонг» насторожилась? Зачем им понадобилась Джун? Узнать, что известно «Си-Ай-Ю»? Тогда они начали выяснять это уже сейчас. Патрика передернуло. Эти подонки ни перед чем не остановятся. Она не выдержит. Черт, да пусть они узнают все, что им нужно. Пусть они все скроются, пусть продолжают потом насиловать, грабить, убивать, но только бы они не тронули Джун!

Машины выскочили за черту города и понеслись по пустынному, закрытому с обеих сторон плотными рядами веерных пальм шоссе в направлении Понггола. Такси начало догонять «хонду». Теперь между машинами было не больше пятидесяти метров. Ло

стиснул зубы и впилился глазами в заднее окошко «хонды», пытаясь рассмотреть, что происходит внутри. Кроме Джун и Шана, в машине находилось еще два человека: один вел машину, другой сидел на заднем сиденье слева от Джун... Выстрелить по колесам «хонды»? Не стоит. Убегая, они могут убить Джун. Стрелять по бандитам тоже было опасно. Патрик прекрасно владел оружием, но они сидели слишком близко от Джун. Лучше подождать, пока «хонда» остановится. Они наверняка не подозревают, что кто-то едет следом, и можно застать их врасплох. Единственное его преимущество против трех вооруженных гангстеров — внезапность. Помощи ждать не от кого.

«Хонда» опять скрылась за поворотом. Такси проехало еще метров четырехста, и Патрик снова увидел ее. Теперь «хонда» стояла у обочины пустая.

— Тормози! — Инспектор выхватил из-под пиджака пистолет и на ходу приоткрыл дверцу такси. — Я выйду, а ты жми до полицейского пункта. Он должен быть через два-три километра. Скажи, здесь бандиты.

Шофер кивнул и остановил машину. Ло выскочил на шоссе и огляделся, пытаясь угадать, куда бандиты утащили Джун. Справа послышался приглушенный вскрик. Патрик перемахнул через канаву и бросился вперед, продираясь сквозь густой, колючий кустарник. Пробежав метров двадцать, он оказался на небольшой поляне. Выплывшая из-за облака луна осветила ее, и инспектор увидел Джун. Она стояла у голого, блестящего ствола кокосовой пальмы. Глаза ее были полны ужаса. Стоящий сзади пожилой лысый гангстер одной рукой держал Джун, другой приставил нож к ее шее.

— Брось пистолет! — хрипло сказал он Патрику. — Если хочешь, чтобы девчонка осталась жива.

Ло покосился направо, потом налево. С обеих сторон на него смотрели две хмурые физиономии. Сзади хрустнула ветка. Инспектор обернулся: на поляну вышел, держа руки в карманах, таксист, который вез его из города.

«Так им нужен был я!» — Патрик невесело усмехнулся. — Чисто сработали, ничего не скажешь».

5

Желтый Дракон готовился к ритуалу. Эта церемония, носившая название «сжечь желтый листок», проводилась раз в два месяца по трем вполне определенным случаям: повышение в ранге отличив-

шихся, посвящение в члены «Анг Сун Тонг» новичков, суд над провинившимися. На ритуалах каждый раз присутствовали разные члены «Анг Сун Тонг»: все «монахи» время от времени должны были видеть обряд казни или другого наказания, чтобы постоянно чувствовать, сколь суровы законы «триады».

Пышно обставленные, окруженные ореолом таинственности, с жуткими сценами принятия новых членов и казни отступников, ритуалы внушали благоговейный ужас тем, кто принимал в них участие. Почти языческое поклонение алтарю и хоругвям «Анг Сун Тонг» было одним из краеугольных камней, на которых прочно покоилось старательно возводимое в течение многих лет и тщательно оберегаемое здание морального уклада «триады»: слепое повиновение вождям, «ножевая» дисциплина, жестокость, круговая порука, обет молчания. Правда, во время церемоний все это называлось несколько иначе: уважение к старшим, беспощадность к изменникам, вечное братство, верность идеалам «триады»...

До церемонии оставалось минут двадцать, и Желтый Дракон начал переодеваться. Ему помогали два охранника. Он облачился в шелковый ярко-желтый балахон до пят с нарисованной на груди черной паутиной. На широких, клиньями свисавших с плеч рукавах атели два пятна в форме огромных капель крови с нарисованными на них черными иероглифами. Голову Желтого Дракона украсила обтянутая черным шелком железная корона в форме паука. Нефритовые глаза гигантского насекомого смотрели с мертвой пронзительностью, согнутые в суставах лапы резко выделялись над белым, обильно напудренным лицом Желтого Дракона. Символика была недвусмысленной: все, что попадало в сплетенную черным страшилищем сеть «триады», должно принадлежать немедленно и безраздельно Желтому Дракону — полновластному хозяину паутины.

Завершив свой туалет, Желтый Дракон вышел из комнаты в узкий и короткий коридор, который упирался в массивную железную дверь. Стоявший около нее охранник распахнул дверь перед Желтым Драконом, и тот вошел в помещение, где проводились ритуалы.

Помещение называлось Зал Верности и Справедли-

вости. Оно представляло собой большую прямоугольную комнату без окон, поскольку находилось в подвале. Стены и потолок закрывала черная материя, подсвеченная красными светильниками, и это создавало в помещении жутковатый полумрак. В том месте, где на квадратном возвышении располагался алтарь, висели хоругви и восседали вожди.

На алтаре — высоком квадратном столике, накрытом желтой материей, — стояла бронзовая курительница, утыканная палочками с недорогим фимиамом. Палочки медленно тлели, и вместе с сизыми тонкими струйками дыма к потолку поднимался резкий и приторный запах. Рядом с курительницей стояла обрядовая золотая чаша для принятия «клятвы крови» и лежал серебряный слиток — символ богатства. Над алтарем в обрамлении трех желтых полотен с черными иероглифами висела традиционная икона «триады» — икона бога богатства.

Когда Желтый Дракон вошел в ритуальное помещение, около ста присутствующих, сидевших плотными рядами на полу, низко склонили головы. Желтый Дракон поднялся на возвышение и подошел к краю. Красные фонари снизу высветили бескровное лицо мертвеца. Он постоял несколько секунд в полной тишине, затем выбросил вперед обе руки ладонями вниз с растопыренными пальцами. Медленно сжал пальцы в кулаки и скрестил руки на груди. Стоявший зади Хранитель Алтаря в таком же, как у Желтого Дракона, одеянии, только лилового цвета, и без короны-паука, легонько ударил палочкой по полному деревянному сосуду: раздался короткий, тонкий звук. Желтый Дракон повернулся к алтарю и распластался ниц перед ним. Все, кроме Хранителя Алтаря, последовали его примеру. Тот продолжал с каменным видом ударять палочкой по сосуду. Сначала медленно, потом быстрее, быстрее, пока, наконец, помещение не наполнилось мелкой, рассыпчатой дробью.

Дробь завершилась сильным, гулким ударом. Два человека внесли в помещение трепещущего белого петуха. Они приблизились к возвышению, и Хранитель Алтаря, взяв лежащий на полу кривой меч, резким ударом снес петуху голову. Бьющуюся в судорогах птицу перевернули шейю вниз над золотой

чашей, и в нее начала стекать еще теплая кровь. Когда чаша наполнилась, мертвого петуха унесли.

Хранитель Алтаря нараспев начал читать молитву, которую он завершил громким возгласом:

— Да хранят наше священное братство царь Небо, царица Земля и светлые духи наших предков!

Затем он обмакнул два пальца в чашу с кровью и смазал ею уголки рта.

Желтый Дракон поднялся с пола и сел в кресло среди других вождей «Анг Сун Тонг». К нему поднесли бронзовый поднос, на котором лежала желтая бумажка, и горящую лучину. Желтый Дракон взял лучину и прикоснулся к бумажке. На подносе вспыхнуло небольшое пламя. В тот же момент Хранитель Алтаря ударил палочкой по сосуду и провозгласил:

— Посвящение!

С кресла поднялся Тонкий Бамбук и подошел к краю возвышения.

— Братья, — торжественно произнес он, — я обращаюсь к вам с просьбой приютить в нашей обители человека, достойного вашего милосердия.

— Согласны ли вы, братья? — спросил Хранитель Алтаря.

Присутствующие молча склонили головы.

— Ручаетесь ли вы за него, брат? — обратился Хранитель Алтаря к Тонкому Бамбуку.

— Да, брат, — ответил тот.

— Тогда пусть войдет.

Дверь открылась, и на пороге появился человек, одетый в черный балахон. За ним шел охранник с мечом. Дрожа от страха, новичок приблизился к алтарю.

— Зачем ты пришел? — замогильным голосом спросил Хранитель Алтаря.

— Я хо-хочу ра-азделить с в-вами трапезу, — заикаясь, пролепетал он заученные слова.

— У нас не хватит пищи для всех.

— Я принес свою пищу и готов поделиться с братьями.

— Наш рис содержит песок и камни, — произнес Хранитель Алтаря, — сможешь ли ты есть его?

— Я готов есть только песок и камни, а рис отдать братьям, — чуть слышно ответил новичок.

Успехом.

ПОРА ЛЮБВИ

Слова Глеба ГОРБОВСКОГО. Музыка Станислава ПОЖЛАКОВА

*Не плачь ты, осень, безутешно
как перед злом, перед бедой,
я знаю, ты бываешь нежной
и золотой, и золотой.*

*Пустынны голые долины,
ни стебелька, ни колоска...
Лишь отголосок журавлиный
издалека, издалека.*

Припев:
*Осень, осень!
Вновь надо мной твоё прозрачное крыло.
Осень, осень,
с тобой опять моё спасение пришло.
Осень, осень,
в твоих садах опять колдует соловей!
Осень, осень — пора любви моей!*

*Твоих волос коснулся ветер,
упали тени на лицо,*

*но все ещё на зорьке светит
твое кольцо, мое кольцо.*

*Мелькают дни, выходят сроки,
и мы внезапно узнаем,
как трудно в осень одиноким,
но мы вдвоем, но мы вдвоем.*

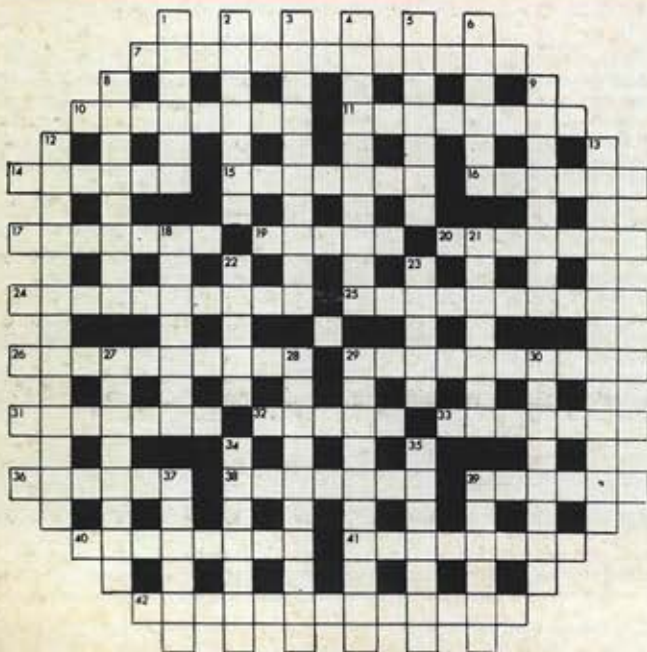
Припев.
*Листок последний на березе —
выходит лето из игры.
Последний луч бросает в осень
из-за горы, из-за горы.*

*Сил не хватает для улыбки,
возьму у дождика струну,
сыграю что-нибудь на скрипке
про ту весну, про ту весну...*

Припев.

КРОССВОРД

Составил В. ПИНЧУК,
г. Бобринск.

По горизонтали:

7. Городское самоуправление в некоторых зарубежных странах. 10. Специалист по покупке и продаже старинных книг. 11. Сигнальный фонарь для регулирования движения. 14. Крытое сооружение для постройки и ремонта судов. 15. Стихотворная форма. 16. Сладкое блюдо, фрукты, подаваемые в конце обеда. 17. Персонаж романа М. Шолохова «Тихий Дон». 19. Спортсмен. 20. Город в Ивановской области. 24. Государство в Западной Европе. 25. Выпускник школы, поступающий в вуз. 26. Концертная организация. 29. Прибор для определения долей минут. 31. Летчица, Герой Советского Союза. 32. Советский космонавт. 33. Трос для крепления судна к причалу. 36. Весенний цветок. 38. Литературный жанр. 39. Горы на границе Чехословакии, Польши и ГДР. 40. Порт на южном побережье Австралии. 41. Идейный воспитатель масс. 42. Предпосевная подготовка древесных семян для ускорения их прорастания.

По вертикали:

1. Запеканка из каши, фруктов. 2. Член правительства. 3. Название серии очерков о рыбаках А. И. Куприна. 4. Французская революционная песня, гимн. 5. Река на северо-востоке Казахстана. 6. Наивысшее достижение в труде, спорте. 8. Опера В. Беллини. 9. Город на юге Африки. 12. Система распределения растений, животных по общим признакам. 13. Частота использования определенного инструмента, оборудования, других средств. 18. Роман И. А. Гончарова. 21. Пианист, педагог, народный артист СССР. 22. Объявление о предстоящих спектаклях, фильмах. 23. Горный перевал в Болгарии. 27. Музыкальный знак, скобка. 28. Предпосевная обработка семян сельскохозяйственных культур. 29. Декоративное обобщение в изобразительном искусстве, орнаменте. 30. Курорт на побережье Балтийского моря. 34. Музыкант. 35. Североамериканский медведь. 37. Научно-фантастический роман А. Н. Толстого. 39. Период, этап в развитии.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 5

По горизонтали:

5. Самотлор. 7. Авангард. 9. «Барабанщица». 12. Мятлик. 14. Блесна. 15. Корнель. 16. Овен. 17. Риал. 18. Иллюзионист. 19. Приз. 21. Икар. 23. Скворец. 25. Перила. 26. Резеда. 27. Ахвалангист. 30. Николаев. 31. Владимир.

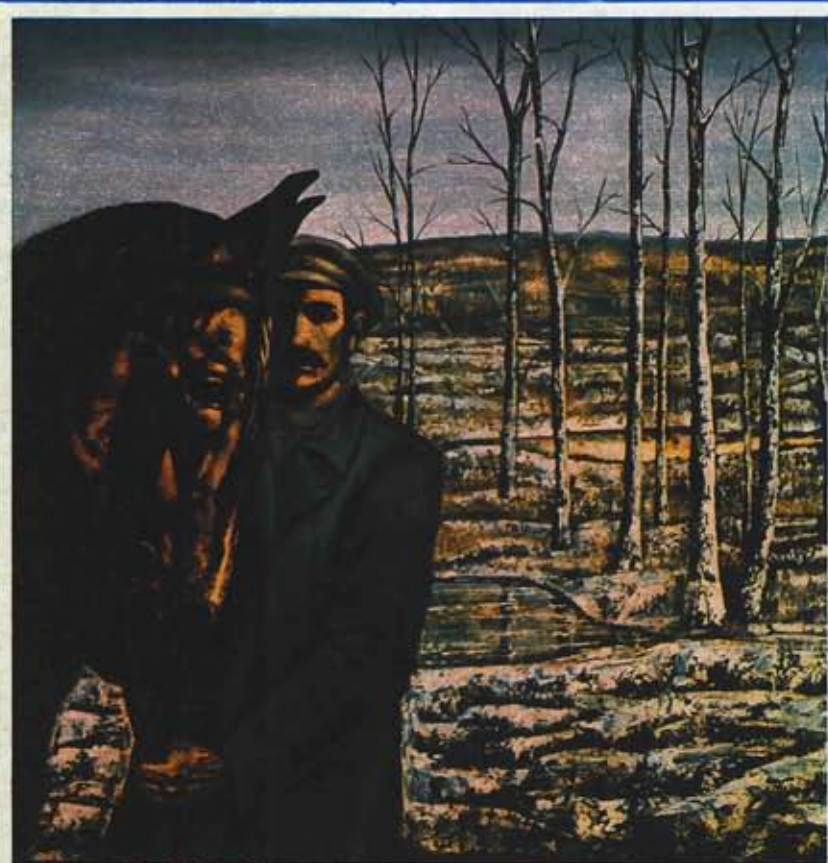
По вертикали:

1. Максимов. 2. Граб. 3. Баян. 4. Краслава. 6. «Ларчик». 8. Ариэль. 9. Ботанизира. 10. Аранжировка. 11. Ассортимент. 13. Корюшка. 14. Блантер. 20. Рапсодия. 22. Аналогия. 23. Славка. 24. Целина. 28. Лава. 29. Нева.

ЗВЕЗДАМИ ОБРЫЗГАННЫЙ ЛУГ

Начало на 16-й стр.

ло личные радости и общественный долг, эстетику и этику, красоту и нравственность. Устремленность молодых художников именно к такому единству знаменательна: рост личности непременно подразумевает развитие мысли, избирательную требовательность чувств. Ибо доверие к жизни невозможно без требовательности к ней. А разговор о современнике всегда философичен — день текущий является основой дня наступающего, а человек — связующим звеном между «сегодня» и «завтра».

Я. АНМАНИС. НАЧАЛО.

А. ЛУТЕРЕ.
ПОРА ОСЕННИХ
ВЕТРОВ.

А. АМАНГЕЛЬДЫЕВ.
АУЛ БЕЛУДЖЕЙ.

А. УСЕНКО.
РЫБОКОМБИНАТ
«ОСТРОВНОЙ».

А. ЛУКИН.
ЛЕТО ГОЛУБОЕ.

И. ВЕПХВАДЗЕ. СИНТЕЗ.

